

Сергей Сезин

ДОРОГА ЧЕРЕЗ ПРОШЛОЕ



ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Сергей Юрьевич Сезин

Дорога через прошлое

Серия «Военная фантастика (АСТ)»

pdf
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67821194
Дорога через прошлое:
ISBN 978-5-17-149737-8

Аннотация

В 1943 году у Красной Армии появилось новое оружие – саперы-штурмовики. Тренированные ребята в стальных кирасах и их техника обеспечивали прорыв полевой и долговременной обороны, взятие городов и крепостей. Приказ – и контратаки немецких танков натываются на поставленные ими минные поля. Другой – и бригада проходит к центру крупного города, оставляя за собой сотни сожженных домов, гарнизоны которых сгинули в пламени или бежали. Штурмовая группа выдвигается вперед, и внутри немецкого дота разверзается ад. Если нужно, то мощный взрыв разносит крепостные ворота аж на другой стороне рва. Пулеметчиков взрывная волна просто размазывает по стенкам каземата. И по проложенному саперами проходу внутрь крепости врывается пехота...

В такую часть попал волею судьбы наш современник Саша, которому когда-то пришлось защищать дот от немецких

штурмовых групп. Теперь у него есть шанс продемонстрировать то, что он и его товарищи – лучшие.

Содержание

Предисловие	7
Глава первая	11
Глава вторая	57
Глава третья	84
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Сергей Сезин

Дорога через прошлое

Серия «Военная фантастика»

Выпуск 222

Иллюстрация на обложке Владимира Гуркова

Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону

© Сергей Сезин, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *



Предисловие

Может ли с человеком случиться то, во что он не поверил бы? Если спросить его за пять минут до наступления неизведанного, то, скорее всего, он ответил бы «нет». Люди привыкают к своей жизни и не ждут чего-то, что очень резко выламывается из обычного ее течения. Свадьба и рождение детей тоже изрядно изменяют жизнь, но это входит в планы на будущее, потому не ощущается неизведанным, хотя на этом отрезке жизни непознанного еще много. Но человек нашего времени не планирует того, что за близлежащим камнем есть портал в иное время или из-за ствола каштана выйдет ящер и плотоядно улыбнется, оценив упитанность встреченного двуногого существа.

И я тоже не поверил бы, если бы мне напророчили то, что в результате неосторожности или тупости одной девицы я окажусь в прошлом, про которое знаю пунктиром, да еще в крайне опасном месте. Как можно поверить в то, что во время поездки на шашлыки с тобой приключится не солнечный удар, не пищевое отравление и не укусы клеща, а война? В это верить невозможно, а предрежнему такое в лучшем случае скажут, что он перечитал приключенческой литературы, в которой люди раз – и оказываются в том самом прошлом, которое лихо перекраивают на свой лад. Когда настроение будет чуть похуже, то можно высказаться и порезче.

Вечером на шашлыках одна девушка баловалась со свечами черного цвета и рассказывала другим девицам о колдовских ритуалах. Дальше что-то пошло не так, и лежащий неподалеку под кустиком после приема пива я очутился за семьдесят лет до того на берегу совсем другого озера в полном одиночестве. Когда я понял, что действительно один и не там, где заснул вчера, то пошел искать дорогу домой, в Питер. И вышел на прифронтовую дорогу немного южнее Кингисеппа, километрах так в двадцати от передового отряда немцев. Вот и войдите в мое положение, когда ты идешь в пляжных шортах и с одной жвачкой в кармане по дороге, пытаешься определить, где ты и куда идти дальше, а над тобой пролетает тройка «хейнкелей». Так и рехнуться можно, и, признаюсь, я об этом думал. И всякий другой подумал бы, ну, разве что требовалось резко рвануть от ящера, а не раздумывать, не сбрендил ли он.

Но, думаю, что когда ящер остался где-то позади, то подумав об этом пришлось бы и предаться шоку чуть погодя. Так что это был второй по счету шок, потом наступил третий, когда меня остановил дозор и отправил в Особый отдел, чтобы тот разобрался, что на этой дороге делает опухший и обгоревший на солнце тип в странных штанах и без документов. Вообразили? Дальше меня ждали еще приключения, а затем все вроде улеглось, и оказался я добровольцем в артиллерийско-пулеметном батальоне на пути немцев к Ленинграду. А у артиллерийско-пулеметных частей основной принцип служ-

бы таков, что они без приказа не отходят, как до приказа № 227, так и после. Меня ждали еще бои в окружении за Лугой и многое другое, включая немецкую гранату. И очередное чудо, когда протекшая из-под повязки кровь, попавшая на древний петроглиф, вернула меня домой. И пришел я в себя, полусасыпанный, в могиле, куда меня, очевидно, приняв за мертвого, сбросили друзья-товарищи, но сильно засыпать поленились.

В это поверить невозможно, и когда вам расскажут про это, не верьте. И не поверьте, когда я скажу, что после возвращения искал на ОБД «Мемориал» своих товарищей по взводу, но наткнулся на свою фамилию. В списках погибших, но не там, под Питером, в сорок первом, а в Риге, осенью сорок четвертого. Указано место похорон и адрес родственников. А в графе – фамилия, имя, отчество и адрес моей бабушки. Не верите? Я тоже не поверил, когда прочитал, хотя шок был не меньшим, чем на дороге на Кингисепп.

Такого однозначно не бывает и быть не может. Пусть сознание этого укрепляет вашу решимость и стойкость не признавать это, когда в результате сложения каких-то звездных потоков вы очутитесь где-то там и не сейчас. Так что смело не верьте глазам своим и пытайтесь пройти сквозь динозавра или немецкий танк – эта иллюзия развеется, когда через нее пройдете. У меня же по этому поводу чуть другое мнение: миры и времена связаны многими нитями и каналами, и кто знает, где оказались многочисленные пропавшие без вести в

девяностые годы. Не всех же прикопали бандиты в лесу, и не все смотались от старой жены к той, что помоложе.

Поэтому я считаю, что все возможно, и возможно попадание в другие времена и места. Я там был дважды – и дважды вернулся оттуда. Вы можете снова не поверить моему рассказу. Но на всякий случай запомните его. Он, конечно, не поможет вам удобно вписаться в жизнь пиратов Карибского моря или эльфов Закатного леса, если судьба забросит именно туда. Просто вы меньше будете тратить времени на пустые переживания, мол, отчего это со мной и почему именно я?

«Потому что ты избранный, Нео». Потому следуйте своим курсом и сделайте, что получится. Если вы просто закроете глаза и будете думать, что все это происходит не с вами, – это ваше решение. Динозавр его горячо одобряет.

Глава первая

Телефон в кармане завибрировал, вырвав меня из расслабленного состояния, очень похожего на сон. Ну да, ночью не выспался, днем пахал, как проклятая душа в аду, и даже теперь и не расслабишься... Но брать пришлось – это Катюха звонила. Был бы номер незнакомый, проигнорировал. И пусть там мне обещают какие угодно скидки или интересуются моим мнением по поводу предстоящих выборов – да изыдут со своей ерундой в пятницу вечером. У меня уже чувство юмора временно атрофировалось.

Сестрица, как всегда, взяла быка за рога – сразу в лоб и по делу. Нет бы поздороваться, спросить, как я сам, как супруга и прочее.

– Саша, мне по важному делу звонила Элина. Это касается тебя.

– Здравствуй, Катюха, рад, что ты позвонила, хоть и нами с супружницей не поинтересовалась. Но кто такая эта Элина и что ей от меня надо? Ремонт – я готов, а вот что другое – увы, поздно, женатый.

– Тебе бы все хихикать. А я абсолютно серьезно. Элину ты помнишь. Она с нами ездила на шашлыки, когда ты пропал и еле нашелся. Помнишь, с черными длинными волосами, как у Анастасии Сиваевой, черным маникюром и крестом на груди?

– Эту, как ее, Анастасию Сиваеву – нет. А свой поход на Гатчину – да, помню.

– Балда ты, братец. Сиваева – она Дашу в «Папиных дочках» играла. Или играет еще? Давно не смотрела. А Элина тогда прямо как она одевалась, и мы ее с собой взяли, помнишь? С нами были Витя Цвельх, Надя, его жена, хотя тогда они еще женаты не были. И она, Элина. Вспомнил теперь?

– Смутно и мутно, больно много пива в меня тогда влилось.

На самом деле я прикидывался. Фамилию актрисы-Даши я и правда не помнил за полной ненадобностью, а вот Элину-то я не забыл. Из-за ее фокусов с колдовством меня тогда здорово потрепало. Но Катьке про это знать не обязательно, оттого она и не знает. И Наташа тоже.

– Не прикидывайся, я как-то тебе от нее привет передавала, и ты тогда сразу же вспомнил. Это когда у вас в феврале в гостях была.

– Катюха, пожалей своего замученного брата! Я на ночь кофе нахлебался, чтобы чемпионат смотреть и не заснуть, оттого утром еле встал. А работать пришлось без скидок и без продыху. Поэтому скажи спасибо, что еще тебя узнаю. А вот узнаю ли твоего Толика – это вопрос на миллион рублей. А ты со всякими Элинами. Ну говори уже, что ей от меня надо, хоть вспомню я ее, хоть и не вспомню.

– Она сказала, что это очень важно, тебе угрожает некая опасность. Потому она бы и хотела тебя об этом предупредить.

дить. Когда ты сможешь с ней встретиться?

– Да никогда! Буду я еще с ней встречаться! Да еще по поводу какой-то опасности. Если тебе уж очень хочется ей помочь, дай ей мой номер. Надеюсь, у нее тариф очень дорогой, оттого быстро деньги кончатся, и беседа надолго не затянется.

– Саша, если она говорит про опасность, то нужно прислушаться. Мы с ней знакомы, но не подруги. Встретились где-то, парой слов перебросились и разошлись. У нее даже моего нового телефона не было. И вот сам подумай, будет ли она просто так меня разыскивать, мой телефон через третьи руки добывать, чтобы потом сказать про какую-то ерунду? Вроде не ешь летом немых яблок или не вкладывайся в акции любых начинаний Мавроди?

Меня это не убедило. Я имел веские причины не вкладываться в любые начинания с этой Элиной, потому и упирался. Катюха пошла с козыря и рассказала, что, если я, конечно, помню, то Элина и тогда занималась разными магическими практиками, о чем нам много рассказывала. За прошедшие два года она в этом дальше продвинулась и теперь этим в основном зарабатывает. И уже достаточно известна в узких кругах. Сестра сама слышала хорошие отзывы об Элине как о магичке – предсказания будущего и поиск того, кто украл в одной фирме приличную сумму денег из сейфа, ей точно удались.

Подремать мне сегодня точно уже не удастся, потому что

голова вышла из блаженного состояния nirваны и покоя. Разбудили.

– «Ворожею не оставляй в живых».

Вот тебе, сестрица, валет на валет. Впрочем, она не религиозная и в церкви бывает, только когда кто-то из подружек венчается или детей крестит. Оттого и цитату не узнала.

Так мы препирались до самого Питера. Хорошо, что я не в Москве работаю, поэтому вышло в итоге не так долго. Я на своем настоял и дальше своего номера телефона не пошел. Пусть позвонит и скажет, если это какая-то несусветная колдовская чушь, то прервать разговор будет элементарно. А дальше ее номер удостоится пометки «не брать». У моего напарника Романа в телефоне такой вот текст забит, что всякий, кто ему звонит, слышит: «Если вы по поводу налогов, кредитов, внебрачно зачатых детей, счетов за газ и свет, то меня нет и не будет!»

Так что она пойдет по разряду счетов и кредитов. Ладно, с ней на сегодня все закончилось, можно подумать о более приятном, скажем, о Наташе, пока «Газель» петляет улицами города и выходить еще рано. Увижу я ее еще не скоро, ибо она на суточном дежурстве, а позвонить пока нельзя – жена просит на дежурства ей не звонить раньше десяти вечера, поскольку только к этому времени она закончит все вечерние назначения и сможет отвлечься. Вообще сейчас лето, народа в больницах должно быть поменьше, но коли Наташа попросила, то это надо выполнять.

Значит, дома меня встретит только кот Пуффендуй, которого нам дали на сохранение, пока хозяева вернутся из Финляндии, если, конечно, этот ленивец вообще сползет с дивана. Кстати, а остался ли дома кошачий корм? Как я не вспомнил про его наличие, но к убедительному выводу не пришел. Решил купить пакетик сегодня на ужин коту, а завтра уже разберусь, нужно ли пополнять запас. Тем более что в воскресенье его обещали забрать. Завтра вечером хозяева вернутся, а потом и эвакуируют своего драгоценного зверя. Вообще можно и не покупать, а дать Пуфику человеческой еды. Даже если он побрезгует, то похудеть до заметной степени не успеет. Да и Славка с Машкой его похудению только порадуются. Нет, так нельзя. Пушистая сКОТина начнет выть от голода, а оно мне надо – засыпать под его стоны о корме?

Когда я вошел в прихожую, то несчастный перс сидел на тумбочке и пожирал меня взором своих голубых «блюдец». Да, неделю назад он больше таился по углам, а тут аж дожидается. Привык и понял, что еда приходит вместе с нами. Ну да, у Славки дети весь день дома, да и бабушка приходит, кто-то на бедность коту пожевать подбросит. Цени, кусочек шерсти, что я не в полночь явился, а всего в восемь. Кот оценил и устроил спектакль «голодный кот просит еды»: и вокруг меня круги нарезал, и на спине катался, и трубно завывал. Но уставший кормилец быстрее обычного сандалии снять не смог. Однако, памятуя о страждущем, не стал сна-

чала душ принимать, а пошел на кухню и выложил ему пакетик в кормушку. Пуфик так рванул к миске, что чуть меня не опрокинул. Ну, это про себя я пошутил, но пятилетнего ребенка или старушку с больными суставами вполне смог бы. Вообще, глядя на его шумное и жадное пожирание пищи, начинаешь беспокоиться, что он проглотит посуду вместе с «фрискис».

Мне самому есть не хотелось, так что я изучил то, что смогу съесть на ужин, и решил, что, возможно, потом поем. Пока же поставил бутылки с разными напитками в холодильник и пошел мыться. Да, правильно я купил кошачьего корма – остался только один пакетик. На сегодня бы его хватило, но утром Пуфик часа в четыре застрадал бы от голода. А так вечер и утро обеспечены, а к обеду я куда-то вылезу обязательно.

После я устроился на диване и начал отдыхать от рабочего дня. Наташа в записке написала, что нужно починить выключатель на кухне, он сегодня утром сломался, но я решил отложить процесс на завтрашнее утро. Ну это не человеколюбиво – вставать сейчас, шлепать туда и ковыряться в проводах! Так что я отдыхал по случаю конца недели, попивая холодный чай из бутылки. Почему не что-то покрепче? Потому как хватит с меня уже минувших приключений после героического пивного пати на берегу озера. С тех пор я так, только на праздники, а по случаю конца недели – холодный чай с лимоном, что меня вполне устраивает.

Вечер проходил тихо и безобидно. Ни читать, ни смотреть телик, ни лазать в инете я не хотел, просто лежал и отдыхал. Кот последовал моему примеру и разлегся на подоконнике. При ремонте в прошлом году я поставил широкие подоконники под мрамор вместо старых узеньких, зато теперь и цветам место есть, и котятинка не падает, неудачно повернувшись. Так мирно и тихо текло время до десяти, когда кто-то позвонил. А телефон остался в прихожей. Итгитьзаногу! Пришлось встать и идти за ним. Номер был незнакомый, поэтому я сбросил звонок и пошел обратно, взяв «Нокию» с собой. Ну, чтобы снова не вскидываться и не бежать, если позвонит кто-то из тех, кому я отвечаю.

За окном серела белая ночь, кот с подоконника разглядывал меня своими голубыми глазищами. Я не включал свет, мне вообще было лень шевелиться. И даже шум машин не мешал сначала задремать, а потом заснуть.

Проснулся я часа в три и обругал себя засоней, ибо Наташе так и не позвонил. Теперь уж надо ждать до утра. Теоретически они в отделении спать не должны, а работать и работать до самого конца смены, но по факту после полуночи все медики где-то устраиваются в тихом месте и малость отдыхают, ну, если, конечно, в этот момент не надо кого-то спасать. В той частной клинике, где Наташа сейчас работает, такого экстрима не бывает. Вот на ее старом месте ночью случалось. И умирали от полученных травм, и белые горячки были... Одно слово – нейрохирургия. Сейчас – совсем другое дело,

клиника частная и называется что-то вроде реабилитационной. Там долечиваются те, у кого кондратий был или травмы головы. Надо добавить, не бедные и очень небедные, но как люди очень капризные. Наташа говорила, что это не потому, что они богатые и хотят за свои деньги тридцать три удовольствия, а потому, что такое бывает после повреждений мозга. Они и часто плачут, и тарелками кидаются, а если родные не придут, когда их ждали, так вообще чувствуют, что настал конец света. Прямо как дети, как она сказала. Но потом, когда успокаиваются, извиняются перед ними, сестричками и сиделками, и просят не таить на них обиды. Наташа называла это каким-то термином, который означает как бы слабость или усталось головного мозга. Я тогда удивился, что сам не раз по голове получал, но ничего такого не творил. Видимо, у меня голова оказалась крепче.

Вторично мне как-то не засыпалось, я то задремывал, то скидывался и видел какой-то калейдоскоп сновидений. Последним сновидением, уже часов в семь утра, был мой последний комендант дота Островерхов, рассказывающий мне про гибель Щорса и того, кто виноват в ней.

За прошедшие два года я не раз вспоминал своих товарищей. К сожалению, их фамилии в базе «Мемориала» так и не нашлись. Зато я нашелся – в Риге! Тогда я чуть с ума не сошел, узнав об этом, и действительно чувствовал себя разорванным на две части или даже три. Здешний, еще тот, что был похоронен в лесной могиле, и тот, кто был убит в

Риге. Странно, правда, ощущать себя не единым, а много-составным и пребывать одновременно в нескольких точках пространства?

Потом я пришел к выводу, что всякий человек должен ощущать какую-то странность бытия и своей судьбы. Кто разведется и потом переживает об этом, что когда-то не закрыл вовремя рот, кто не решился пойти туда, куда приглашали, и потом горько страдает, что не решился, а я вот так...

В Латвию я так и не собрался, а под Кингисеппом побывал и обошел большую часть позиций УРа. Увы, моего дота на месте не было, как и соседнего. Мне объяснили, что там, когда добывали фосфориты после войны, все посгребали землеройной техникой. Даже пейзаж изменился. Дот, может, и цел, но над ним лежит слой земли, что сгребли, обнажая эти самые фосфориты.

Я обошел все доступные кладбища, думая, что, может, была их могила, а после войны их собрали в общее захоронение, и отсюда, и оттуда. Тоже нет. Были под плитами безымянные бойцы и командиры, погибшие в сорок первом, но они ли это, кто знает... Часть моих сослуживцев могла выжить или погибнуть где-то в другом месте, скажем, переправляясь через Лугу. Ночью проскочили через слабоохраняемый участок и вышли к реке. Там, по моим прикидкам, не больше пяти километров должно было быть напрямую, так что за ночь могли пробраться. А дальше их присоединили, как меня, к какой-то другой дивизии, и пошла со-

всем новая жизнь. Потом я вспомнил, что минимум двое из оставшихся были ранеными, и засомневался в своих выводах. Книжки о боевых действиях под Кингисеппом я почитал, какие смог достать, но они мне сильно не помогли.

Так что пришлось заказать по всем им заупокойную службу. Надеюсь, они не будут на меня в претензии, даже те, кто не верил.

...Раз уж настало утро, то пришло время исполнять отложенное с вечера, и я после завтрака стал копаться в выключателе. Пуфик ходил вокруг, интересуясь процессом и намекая, что его несравненная красота недостаточно оценена, и разок погладить животное – этого недостаточно, а вот погладить и покормить – это будет в самый раз. Поскольку котятина совершила подвиг и мне утром сон не испортила, я оторвался от работы и удовлетворил просьбу страдальца.

Возня с выключателем затянулась, ибо тесть в свое время купил буржуйские выключатели, да еще и от производителя-оригинала. Поэтому я помучился, остро жалея, что у меня не три руки, а только две, но таки все сделал. Довольный собой, сказал: «Я самый великий!» – и пошел мыть руки. Когда вышел, то услышал звонок своего телефона. Мне почему-то подумалось, что это звонит Наташа, оттого я опрометью кинулся к нему и нажал на кнопку, даже не глянув, кто это. Но это была не она. Голос я не узнал.

– Здравствуйте, можно пригласить Александра к телефо-

ну?

– Я слушаю.

– Меня зовут Элина, мы раньше встречались с вами, пару лет назад, в поездке за город.

Вот тебе на! И зачем я взял трубку? Теперь терпи и не моги послать по заслуженному адресу!

– Мне говорила моя сестра Катя, что вы с ней разговаривали.

– Да, это так. Видите ли, я занимаюсь магией и получила информацию, что вам и вашей жене угрожает некая магическая опасность.

– И что же это за опасность?

Я изо всех сил сдерживался и пытался интонацией донести до нее то, что с ней не хотят разговаривать. Совсем не хотят. И не пожелают ни сейчас, ни потом, и ныне, и присно, и во веки веков.

– Этого я не могу сказать по телефону, но готова сказать при личной встрече.

– Мда. Информация из астрала? – я прямо-таки сочился ядом, но, видно, до нее не доходило.

– Можно сказать и так, – игриво ответила она.

Ну все, у старого солдата закончились все слова любви, остались лишь только скверноматерные.

– Послушайте, Элина, я не нуждаюсь в вашей магической помощи. Совершенно. Скажу даже больше, за ваши занятия магией вы вполне заслужили костер. Не только потому, что

так написано в Библии, но и потому, что вы работаете с магическими силами, как пьяный дворник метет мостовую. Слева подмел, а справа все загадил. И даже хуже. Если еще находятся какие-то дураки, что вам доверяют свою судьбу и душу, так и работайте с ними, а от моей семьи отстаньте.

– Вы не думайте, я совершенно не хочу на вас заработать, просто у меня есть такая информация, и я не хочу, чтобы проблемы свалились на вас внезапно...

– Так вот, однажды моя сестра пригласила в гости одну проблему с черными волосами, носившую на груди перевернутый крест. И эта проблема ухитрилась не только съесть шашлык и помидоры, но и от души нагадить. Скажу прямо, что если бы я тогда отвернул вам голову и сказал, что так и было, то произошло бы очень милостивое воздаяние за ваши фокусы с черными свечами.

– Ой, неужели...

– Все, черт подери, все! Я простил ваше вмешательство, но если вы еще раз покажетесь на горизонте с вашей чертовой магией, или что-либо вякнете моей сестре или жене про магию, или проведете какой-то обряд, то я за себя не ручаюсь! Ты поняла, чучело с черным ногтями, или тебе это надо вбить в голову киркой или лопатой?!

На сем я бросил трубку и долго выражался словами высокого давления, как говаривал один мой знакомый из бывших водолазов.

Пуфик восседал на тумбочке и сочувственно глядел на

меня. А мне стало стыдно. Все-таки сорвался, и еще на женщину...

– Спасибо, котик, за моральную поддержку. Давай я тебе устрою прогулку и заодно куплю еды, все равно сегодняшней день ты с нами проведешь...

Котик не возразил, и мы отправились в гипермаркет. Славка, видимо, кота на улицу выпускал нечасто, посему животное тарасило глаза на окружающее столпотворение, слегка ошалев от увиденного. Я же тащил его в левой руке, а правую имел свободной.

Кот роскошной кремовой окраски вызывал всеобщий интерес у прохожих и собак на улице. Мне его пару раз предложили продать, раз пять попросили дать погладить, еще разок предоставить для вязки, один нетрезвый гражданин предложил дать коту сушеной тараньки, а девушка за кассой так на него очарованно уставилась, что чуть сдачу не забыла дать. Пуфик только закатывал глаза, переполненный впечатлениями. Так что купили ему пару пакетов корма, а Наташе – мороженого на вечер. Я же никак не мог понять, чего мне хочется, и ограничился пакетиком арахиса. Что интересно, я его сжевал еще до дому – челюсти мои работали прямо как электромясорубка. Наверное, это все-таки был стресс, и вот я нажрался, чтобы его ликвидировать. Так и растолстеешь с этими поехавшими на магии дурами!

Я сел на скамейку, поставил рядом пакет и перехватил Пуфика. Он почувствовал хватку на загривке и не стал пытаться

удрать. Освободившейся рукой я позвонил сестре и сказал Катюхе, что Элина мне звонила, делала некие закидоны про то, что мне грозит какая-то опасность, но про то, что это за опасность, она пожелала сказать только наедине. Потому я ей пригрозил карами, не дожидаясь Страшного Суда.

– Если она тебе, сестрица, будет что-то насчет своих магических вмешательств втюхивать, ты только мне скажи, я выполню свою угрозу. Если она будет обсуждать обычные женские дела, где что купить и какие мужики гады, то пусть живет.

Катюха рассмеялась и сказала, что так и сделает. Дальше мы поболтали насчет ее принца на белом коне, когда он, наконец, ей предложение сделает. Как оказалось, ее кавалер так объедается Катюхиной стряпней, что не в силах выдать из себя: «Давай поженимся». Все силы уходят на пищеварение. Я посоветовал перевести его на овощную диету – вдруг она не так тяжело на язык влияет. Поболтали, поболтали, и я отключился. Пора было идти домой, пока мороженое не подтаяло.

В общем, конечно, Катюхиному парню пора было бы тоже намекнуть, что хватит уже размышлять, подходят ли они друг другу, полгода прошло. Уже даже успел раздобреть на сестрицыной стряпне, раньше у него такого животика не было. Но это если только Катюха прямо скажет, что надо. Я-то хоть сейчас готов подсказать ему, но, в общем, сделаю только по ее слову. Тем более что она всегда была готова всех вокруг

поймать, загрузить делом и весь процесс организовать, а тут одного программера к делу никак не приспособит. Значит, что-то есть еще, чего я сразу не увидел.

Я прошелся по дому, искал, чего бы еще полезного сделать. Засунув на место пару предметов, которые сам же положил не туда, ощутил, что фантазия моя в поиске полезных дел иссякла, и решил ее более не мучить. Супруга явится и без всякого напряжения отыщет какое-то дело. А не отыщет, так мы просто посидим рядышком. Кстати, можно будет ей предложить какую-то культурную программу на завтра. Ну, если она, конечно, не пожелает завтра отдыхать. Все-таки сутки подряд работать тяжело. Даже просто бдеть на дежурстве – и то организм устает.

Так подумавши, я отправился к компьютеру. На почту ничего не пришло, даже тесть не собрался прислать какие-то фотки цветущей тундры, как он это любит. В новостных лентах тоже не было ничего достойного внимания, поэтому я со своей почты отправил красивую картинку на почту Наташе, поздравив ее со скорым окончанием сегодняшнего дежурства, и решил почитать.

Первой на очереди у меня стояла книга Скорикова по Кронштадту, вот ее я и читал до Наташиного прихода, благо в Кронштадте я бывал не раз, так что можно было сравнить то, что когда-то было, и то, что видел сам. К сожалению, не все уже на острове в порядочном состоянии, например, многие участки северной стены развалились. Арки еще стоят, а

вот кирпич меж ними уже того... Не доработали при царе, не доработали, даже на двести лет крепости стенки не хватило.

Наташа пришла с работы замученная и пожаловалась, что хоть ничего тяжелого не случилось, но она очень устала. Все как-то с одного раза не получалось, все требовалось повторять, чтобы хорошо вышло, вот так и набралась усталость. И что-то ноги отекали. Ну, это не страшно, так что я ей посоветовал подержать ноги в прохладной воде, а потом полежать, задрав их повыше. А мы с Пуфиком на это зрелище поглазеим. А вообще обувь носить лучше на полразмера больше, по моему примеру. Наташа ответила, что она бы и взяла на полразмера их больше, но на ярмарке таких не было, поэтому моим ценным советом она воспользоваться не сможет. И показала мне язык.

Обедать она не стала, с благодарностью съела мороженое и отправилась отдохнуть. Я продолжил чтение, так как поручили мне только включить стиралку через час. Да и шуметь не хотелось, чтобы ее не потревожить. Пуфик удалился к балконной двери, где улегся на сквознячке для лучшей вентиляции отдельных деталей. Самые красивые обитатели квартиры спали еще часа полтора, потом у обоих проснулся аппетит. А я их обслуживал.

Попозже мы с Наташей посидели пару часов в сквере. Вечером мы в четыре руки убрали во второй кладовке, а я потом выносил на мусорку все, что решили выкинуть. Просто в доме регулярно накапливаются вещи, которым самое

место на свалке, но все жалко расстаться с ними. Так они и лежат, обычно до переезда или настоятельной необходимости очистить место для чего-то другого. Часть вещей я отстоял для использования как тряпки на работе, часть отнес в гараж. Тесть приедет и будет сокрушаться, отчего ему не оставили тряпок для копания в машинных потрохах. Ну вот и оставили, чтобы не терзать его.

Еще одна проблема никак не решалась. Среди консервации обнаружили четыре банки со стершимся годом закатки. Две банки с вишневым вареньем, а две – с компотом из абрикосов и клубники. С одной стороны, банки явно давние, то есть могут и какие-то яды накопиться. Скажем, цианиды из косточек. Но и жалко до невозможности – вот так взять и выкинуть. Мы с Наташей судили-рядили и никак не приходили к решению. Наконец, я их отволок на помойку, но не забросил в кучу мусора, а поставил отдельно. Сверху положил лист бумаги с надписью, что сколько лет консервам, уже не помним. Вот так. Захочет кто-то рисковать на дармовщинку – его дело. Захочет свиньям скормить – мы не против. Может содержимое выкинуть, а стекло оприходовать – опять же, ее или его дело.

День прошел бы хорошо, если бы не звоночек из прошлого. Наташе я про это говорить ничего не стал. Мало ли какие у меня в прошлом бывали знакомые и отношения. Вот поэтому я и не пускал Элину в настоящее. Не нужна она в нем в прежнем качестве. Если она хочет быть знакомой Катюхи,

то пусть пребывает в этом виде и далее. А мне уже не нужна ни она, ни ее магия. У меня есть магия Наташиной любви, в которой я желаю пребывать и далее, без всяких там Элин. И я пошел предаваться этой магии.

Спал я плоховато, ибо раза три просыпался. В одном случае виноват был Пуфик, которому под утро стало прохладно, вот он и пришел к нам в ноги погреться. Славка мне говорил, что кот такой привычкой страдает, они его гоняют, но зверь непреклонен в тяге к хозяевам прохладной ночью. Остальные два раза – это мои сны о прошлом: заполненный пороховой гарью и цементной пылью каземат, удары снарядов в бетон и струящаяся по ладоням максимовская лента.

Я уже привык, да и мне говорили повоевавшие, что пережитое еще долго приходит в сны. Хотя, конечно, странно, что не вспоминается, как я бил немца лопаткой по шее или как рядом со мной умирали товарищи. Зато пулеметные ленты и разрывы гильзы в пулемете всплывают регулярно. Неужели отрыв дульца гильзы для меня был страшнее падающих на голову мин и бомб? Или мозги работают немного не так, как мы предполагаем?

Подумав так, я снова заснул, и мне опять приснился август под Кингсеппом. На сей раз переправа через Лугу, плеск воды, тревожное всматривание в небо, не летят ли немецкие самолеты, и оставшийся сзади левый берег, на котором находятся мои товарищи, а с ними – весь батальон. И река стала границей между жизнью и смертью. Я оказался на правом.

Но вот что еще странно: я не помнил, что смотрел на левый берег, пока плыли или когда уже находились на другом берегу. На соседа с перебитыми ногами – это помню, на эстонское оружие у солдат вокруг – да, точно, в небо – этого тоже сколь угодно, и не один я, а вот на левый берег – нет. Наверное, так и было, я ведь не воспринимал убытие к медикам как уход навсегда. Думал, что полежу несколько дней и вернусь обратно. Потому и не глядел назад, как в последний раз. А то, что батальон остался там и погиб, я узнал позже. Осознал же это не головой, а душой еще спустя какое-то время.

В общем, встал я смурной и не выспавшийся. Но на вопрос Наташи, что это со мной, свалил все на кота: дескать, рыжая зараза спать мешала и не один раз будила. Наташу он тоже разбудил, поэтому звучало все правдоподобно.

Мы дождались явления Славки с семейством, вручили им рыжую бестию и распрощались с животным. Мне показалось, что у него был слегка затравленный вид, потому как отдохнувшие за границей детки его затискали. А он целую неделю от такого отдыхал. Но ничего, пусть привыкает заново жить с хозяйскими детьми.

Славка надолго не задержался. От Финляндии он был, как всегда, в восторге, обещал как-то вдумчиво побеседовать о впечатлениях. Сейчас он не может, потому как его вызывают на работу из-за какого-то ЧП (собаки, в воскресенье!), сейчас малышня обратно домой закинет и отправится разгре-

бать случившееся.

Уборку Наташа запланировала на завтра, потому мы отправились в гипермаркет закупать продукты на неделю, после чего Наташа молнией (это означает – не дольше часа) пробежалась по магазинам, а я ждал ее и с планшета читал книгу. Планшет имел маленький экран, потому я с него читал художественные книги, а богато иллюстрированные, вроде книги о Кронштадте, – дома, с порядочного монитора. На сей раз попался детектив Макбейна, поэтому не отрывался до самого прихода жены. Все, пошли, эх, дубинушка, ухнем, относя сумки к маршрутке. Будь груз поменьше, можно было бы и пешком пройтись, но шесть пакетов... И те не пустые.

День прошел достойно, а вот вечер вышел испорченным. У меня резко упало настроение, и кто знает, отчего. Я чувствовал какую-то глухую тревогу и беспокойство и не мог ничего нормально делать. Брал книгу – и откладывал, смотрел телик – и уходил от него, компьютер вообще не смог использовать. Словно меня завтра ждала какая-то страшно неприятная вещь, я ждал ее и оттого томился, не мог ни к чему руки приложить. Причем это была явно особо крупная гадость, сравнимая с посадкой в тюрьму. Конечно, этот вывод был притянут за уши. Но я так прикинул и вывел, что меньшее у меня бы такой тоски не вызвало.

Наташа это увидела и захотела узнать, в чем дело. Но я ей сказал наше внутреннее слово, обозначающее, что меня сейчас лучше оставить в покое. Я просто по себе знаю, что если

меня в нехорошем настроении начать зацеплять, то могу и лишнего сказать. Поэтому лучше я буду сидеть в уголочке или бегать из комнаты в комнату, пока не пройдет гадость на душе. Но пока не проходило, а даже, наоборот, напряжение нарастало.

Успокаивающих таблеток я не пил никогда. Мысль об алкоголе я обдумал и решил, что не надо. Тем более что завтра утром на работу. Я-то не шофер, но и мне проблемы с начальством незачем. Жаль, что у нас не дровяное отопление. Я бы сейчас, наверное, переколот все, что можно. И кота забрали. Может, он бы вытянул из меня раздражение и стресс. В итоге я сказал Наташе, что посижу на лавочке у подъезда, оделся и вышел. Пока спускался, подумал, что зря пошел. Буду сидеть там, наливаясь раздражением, а потом ко мне кто-то подойдет и скажет нечто, так еще и обижу. Но, с другой стороны, если я Наташе что-то злое скажу – это же хуже, чем если кто-то пьяный по шее заработает за трепание языком не по делу.

Нет, все равно плохо. Заберут меня в полицию, и будет все равно Наташе стресс. Но что тогда делать? А вот не знаю. И так плохо, и так не лучше.

У подъезда никого не было. И это здорово, потому как могли начать спрашивать, а я был не в духе, чтобы с ними разговаривать. Люди потом ко мне тоже не подходили. Видно, со стороны я выглядел как в пословице «Не влезай – уььет». Дворового кота одного поманил и погладил, но это

не помогло. Бабушка говорила, что есть коты лечебные, которые не только душевные переживания снимают, но могут и хвори лечить. Но их не так много. Видимо, этот кот был из неспособных к лечению. Кстати, не факт, что он и мышью поймал бы. Та же баба Наташа рассказывала, что котят кошка-мать учит мышей ловить. Поймает сама мышку, придавит, чтобы та была еще жива, но не смылась, и дает котяткам для игр сначала, а потом чтобы и задавили. А если этого серого мать ловле мышей не учила, ибо сама их не видела, так и вряд ли поймает. И правда, если в моем детстве я видел котов, что за голубьями и воробьями охотились, а некоторые даже удачно, то сейчас почти совсем не вижу такого. Раз в год или два, не чаще.

Но хорошо, хоть стал размышлять о нормальном. Я продолжил вспоминать рассказы бабы Наташи и так постепенно отошел. Правда, случилось это ближе к половине девятого. Посидел, пар из души выпустил, пора и домой.

Но, должен сказать, тревога меня все никак не покидала. Она ушла глубоко, и пока я занимался текущими делами, она не чувствовалась. Выползала, только когда я был ничем не занят, вроде возвращения с работы. Сидишь и смотришь на сто раз виденные пейзажи, а серьезно заняться нечем. Можно было бы взять планшет, но я уже знал, что чтение при тряске мне сильно утомляет глаза. А на работе и так хватает нагрузки, чтобы вылезать из транспорта и чувствовать себя еще хуже, чем перед тем, как влез в него. Потому я либо

размышлял, либо болтал со знакомыми, если со мной они ехали.

Так вот, кроме размышлений о разных вопросах истории прошлого или экономики настоящего почему-то меня стали одолевать мысли: а что, если со мной что-то случится? А что, если что-то случится с Наташей? Меня такие мысли прямо бесили, но они все равно появлялись. Словно спам в почте.

Насчет снов – тут я не могу прямо сказать, что вот это нервное напряжение отзывалось на них, но, похоже, что так оно и было. Засыпал я вовремя и высыпался, утром бодро вставая, а не расслабленно размышляя, как бы еще полчаса полежать, но вот сновидения... Они меня тревожили. А возможно, я тревожился и их у себя вызывал. Не знаю, как правильнее сказать. И что более всего было тревожно – это то, что я видел не только пережитое между озером и камнем, но и то, чего не испытывал. Особенно часто повторялся сон, как я вместе с другими бойцами пробираемся лесами и болотами, тянем на себе по топким местам машины и орудия и периодически бросаем их, когда через это гиблое место перетасщить никак не получается. Воды для питья до черта, хотя и болотная, а вот есть практически нечего. Так, последние крошки из вещмешков.

Увидев это пару раз, я принялся искать, что это могло быть. Поиски показали, что, скорее всего, это выход группы генерала Астанина из окружения. Ну, если все это происходило в питерских окрестностях, потому как явно были же

окружения и в других болотистых местах, и из них тоже прорывались. В принципе, это могло случиться тогда и со мной. Пошел я туда-то, вышел к Кингисеппу, а мог пойти в другую сторону, пристроиться к ополченцам и совершать этот марш по болоту. Хотя кто мне скажет, что было бы там, коли пошел бы не туда. Возможно, меня бы не взяли в строй, а держали в камере до выяснения. Или попал бы под бомбежку, к следам которой я пришел. Калейдоскоп бы лег как-то не так.

После снов о походе по болоту мне приснился еще один тяжелый сон, после чего ночные кошмары прекратились. Но этот сон переплюнул предыдущие. Я проснулся в три и до утра не мог сомкнуть глаз от переживаний. Хорошо, что у нас компьютер стоит в гостиной, оттого можно было тихо сидеть за ним, тупо глядеть в какие-то фильмы и не мешать Наташе отдыхать. Потом я пошел на работу не выспавшимся, и это была вторая серия таскания тяжестей по болотам. Не отдохнувший, я чувствовал себя именно так, как если бы проволока пушку на себе от Луги до Киришей, не обращая внимания на препятствия.

Еще бы не спать после такого сна. Можно было бы и дальше сон потерять. Только подумать, что он повторится, – и не захочется закрывать глаза. Правда, знающие люди утверждали, что если не спать суток пять, то наступает такая вилка выбора: или ты свалишься где придется и будешь спать даже на обочине дороги, или у тебя сдвинутся мозги, перед глазами будут скакать белочки, зайчики и прочая радость.

Собственно, белая горячка так и приходит к любителям бухалова.

Я, кстати, когда тогда на дороге очутился и увидел то, чего вокруг меня быть не должно, тоже подумал, что это она, рыженькая. Потом узнал, что так быстро это не будет, надо суток пяток не спать. Иногда меньше, но не с утра после вчерашнего точно.

Ужас увиденного сна был в том, что Наташа пропала, и не просто так, а была унесена в какой-то другой мир, и я отчаянно искал ее там, то в одном месте, то в другом, а она все не находилась и не находилась... От отчаяния я и проснулся. Чего уж потом удивляться отсутствию сна и невозможности даже кино смотреть осмысленно, а не просто пялиться в монитор. Ибо в душе сидит память о сонном видении, как бегаешь по какому-то лабиринту, зовешь Наташу, но она не откликается, а ты ощущаешь, что если не найдешь ее, то с ней случится что-то страшное, такое, что невозможно вымолвить вслух.

Естественно, в тот день я был не раз на грани производственной травмы, настолько у меня, недоспавшего, искажилось восприятие времени. Мне казалось, что я двигаюсь ужасно быстро, а все вокруг словно спит на ходу, медленно и вальяжно перемещается, хотя фактически все было ровно наоборот.

И с высоты я пару раз мог свалиться, и под машину едва не влез, и со стремянки почти что грохнулся. И под краном сто-

ял, тупо глядя на опускающийся сверху груз. Естественно, и своя работа текла медленно и неспешно. За обедом сидел и долго собирался поесть, а на обратном пути просто дрых. Как только сел в микроавтобус, так и отъехал. Через секунду после засыпания меня пихнули в плечо, дескать, вставай, уже приехал.

Я вылез, а просыпался уже по дороге домой. С кем-то здоровался, но вот с кем – спросите что-нибудь полегче. Как выяснилось чуть позже, я не помнил, куда кое-что положил. То есть вылез из ванны и побежал искать, куда же я ключи дел. Начал есть, а потом вспомнил: «Где же мой телефон?» Он оказался в спальне, а я не помнил, что сейчас туда заходил. Вследствие такого ужаса я решил пойти спать. Хоть и рано, но лучше уже переспать, чем еще в какую-то неудобность влипнуть.

Поэтому я себя подстраховал, заведя в дополнение к мобильнику еще и механический будильник. Встал, правда, в пять утра, но окончательно выспавшимся. Ну, теперь мне уже работа была абсолютно не страшна, и я бодро отправился на нее. Как уже говорил, после этого со сном стало все нормально. Или не говорил про это?.. Ладно.

Когда Наташа пришла с дежурства, я как бы невзначай поинтересовался, как она спит и не ощущает ли какого-то беспокойства во время бодрствования. Пришлось замаскировать это рассказом про свои страхи во сне и день после того, но, естественно, в детали я не вдавался. Наташа отве-

тила, что спит чуть хуже, чем раньше, и часто просыпается, но никаких страхов во сне и наяву не ощущает. Ну, кроме как переходя дорогу и наблюдая некоторых джигитов за рулем, что пролетают мимо на красный свет. Я спросил ее про больных, ведь они, бывает, и умирают, и могут даже на ее дежурстве. Наташа ответила, что да, про них забыла.

В итоге я как бы успокоился за нее и мог думать, что это шалют мои нервы, слегка растревоженные некоей колдуньей, но вот что-то мешало признать это все нервными переживаниями на пустом месте. И сильно захотелось дать хорошенько Элине по пятой точке опоры, чтобы своими глупостями не портила настроение другим людям. Ладно, если те, кто пришел к ней узнать, не изменяет ли им муж или что там еще с ними происходит... Раз уж пришли, так и огребайте. А тут – проявила сочувствие, лошадь в человеческом образе!

Я еще про себя поругался в ее адрес и немного успокоился. В общем, как в песне про цыгана вышло:

Видит – девушка идёт с ведром.

Поглядел – в ведре том нет воды,

Значит, мне не миновать беды...

Так начиналось это лето, и ничего не предвещало последующего кошмара. В мире тоже ничего страшного не происходило. Тесть писал и разговаривал с нами по скайпу о том, что у него тоже все нормально. Словом, беспокоиться вроде как было не о чем.

Теперь-то я могу сказать, что такая тонкая пленочка или перегородка отделяет счастливую и нормальную жизнь от тяжелой. Рраз – и лопнуло! И даже ты к ней и не прикасался, а ее уже нет. И лик Ужаса смотрит на тебя из-за бывшей ширмы: «Что, не ждал? А вот и я!»

Иногда этого совсем не видно, просто с тобой или твоими родными это случается, и жизнь выворачивается наизнанку, но иногда бывает, как у меня: предвестники какие-то были, но толку-то от этих предвестников? Нечто опасное грядет, но что грядет и когда? Ответа нет, и что делать – не ведаешь.

Я теперь активно читал, потому и знал, что перед войной очень многие ощущали, что война вот-вот начнется, но никто не знал, уже сейчас или завтра на заре. Ну, штатские могли и спичками с солью запастись, совсем не лишние будут, а вот красноармейцу где-то в Минске, то бишь не на самой границе, каково было это ощущать? Как ни ощущай, а старшина не выпустит спать вне казармы, чтобы упавшая на нее бомба тебя не задела. Иногда хотелось бы отключать чувствительность у себя, как питание электроприбора: надо ждать, так сиди и жди, не переживая. Только черта с два вый-дет.

Наш объект успешно строился, пока не застрял из-за каких-то бумажных вопросов: что-то там было непонятное со стройнадзором, поэтому стройка практически замерла. Мы только мелочи доделывали, зачастую получалось всего по

полдня. Я переговорил с замом начальника, знавшим еще моего отца, что там с работой творится, поскольку начал беспокоиться: а как в итоге получится с деньгами. Арсеньевич сначала темнил, потом сказал, что дело не только в стройнадзоре, а там есть проблема и с инвесторами, причем какая-то хитровыделанная. Владелец сейчас по этой причине мотнулся в столицу и будет дергать за все ниточки, может, и столкнет воз с места. После чего добился от меня обещания не трепать языком, потому что ему про это приказали. А я и пообещал.

Такое у нас, увы, не первый раз, но пока все удачно рассказывалось. Будем надеяться, игра на московских нитках будет мелодичной, и без зарплаты мы не останемся. Большой босс вернулся, дело действительно пошло, но недели через две все опять застряло. Арсеньич внятного ответа не дал, потому как клялся, что сам не знает. Мы пару дней позанимались всякой всячиной, а потом объявили: «стоп, машина», сидим и ждем ясной погоды в Москве. Жаль, что ясная погода не продержалась еще с недельку, мы бы тогда этот цех добились.

Пока же каждый занимался, чем мог, в ожидании звонка от Арсеньевича. Я денек отоспался, а потом стал искать халтурки. Желающих за лето что-то подремонтировать хватало, так что в среднем через день работа была. Я вообще с поисками не напрягался: спросил у Катки – у нее аж двое желающих было, потом у Наташи ординатору душевую кабину смонтировал, потом еще. А затем один старый знакомый по-

просил пару дней у своего родственника пожить в загородном доме и все, что можно, довести до ума, потому как заезжая бригада из соседнего государства много недоделок оставила в пристройке, за что их и выгнали, недоплатив за все прегрешения. Андрей меня туда закинул, я только продуктами затарился и инструмента набрал. Загородный домик у его знакомого был явно построен не за зарплату. Это я могу сказать, побывав только в тамошнем санузле.

Пока хозяева тут не жили, а домик сторожили охранник и два песика, которые, если станут на задние лапы, то сравняются ростом со мной. Туда я ходил только в санузел, а спал и ел в той же пристройке, что и трудился. Ванную там еще не начали монтировать, да и мебель была только в одной комнате из трех. Пищу себе готовил в выделенной микроволновке, книги у меня с собой были, а в качестве развлечений ходил купаться на недалнее озерцо. Мне разрешили и в бассейне купаться, но надо было просить этого охранника, а он и так нервно реагировал на то, что надо меня в туалет пускать. Оттого лучше было выйти и двести метров пройти. С песиками у меня были взаимное уважение и вооруженный нейтралитет: ни они меня не трогали, ни я их. Вообще ротвейлеров я отчего-то не люблю. Так что я мирно трудился, а песики меня обнюхивали, когда вернусь с купания, вот и все.

Недоделок мне оставили кучу, но я их потихоньку устранял, не трогал только скрипящий паркет из какого-то индонезийского дерева, потому как хозяин еще не решил, что с

ним делать: содрать к чертям или переложить по-нормальному. Да еще входная дверь в пристройку вызывала вопросы. Там паршиво установили стальную дверную раму, а у меня ни инструментов нужных не было, ни помощников, потому как один я бы ее ворочать не смог. Андрей, увидев это, сказал, что ладно уж, делай, что можешь, а с дверью он что-нибудь придумает. Так что все было очень даже мило, если бы не невозможность дозвониться по мобильному до Питера.

Андрея я попросил по приезде звякнуть Наташе, что со мной все хорошо, я мирно хозяйские двери и окна делаю, так что пусть она не беспокоится. И он должен был заехать либо к вечеру второго дня, либо на утро третьего. Дела я добил к середине второго дня, а весь вечер только отдыхал. Андрей до восьми не появился, значит, его надо ждать утром.

Я глянул, что у меня там поесть осталось – уже немного, но на завтрак еще хватит. Если же Андрюха задержится до обеда, надо будет выбрать, кем пообедать: ротвейлером или сторожем. Пожалуй, песики выглядят поапетитнее, чем их прокуренный насквозь начальник. Еще и отравишься многолетними залежами никотина. Последняя ночь там выдалась какой-то нехорошей, собаки выли как нанятые, и от их тоскливого воя я то и дело просыпался.

Утром встал раздраженным и начал паковать вещи. Андрей прибыл, поздоровался, оценил мои труды, расплатился, и мы двинулись в город. Как выяснилось, Андрюха забыл Наташе перезвонить, что приедет не вечером, а утром

за мною. Вот редиска! Андрей покаялся, что вчера так замотался, что не смог, оттого очень извиняется и даже дважды это делает. За двойное раскаяние его и простил.

Когда мы въехали в зону уверенного приема, я попытался позвонить Наташе. Увы, она была уже на работе, а там ее могли заставить телефон отключить, так и получилось. Засунул трубку в карман и многозначительно глянул на Андрея, отчего он покаялся в третий раз. Дома я занес инструмент в гараж, позвонил на работу, где услышал, что пока в Москве ничего не сдвинулось. Я вздохнул и отключился.

Ладно, мне пора отдыхать, вот вернется Наташа с дежурства завтра, так и поговорим с ней, может, нам стоит пару дней побыть где-то на природе, как раз до ее следующего дежурства, или даже она попросит с кем-нибудь там поменяться. Тут уж как ей удобнее. И место тоже по ее выбору. Есть знакомые, что живут близ Красной Горки, есть знакомые, что живут близ чистого озера на Карельском перешейке. Правда, возле Паши и Саши (это так эту пару зовут) комарья до нечистой силы. Но отчего-то хозяев не кусают. Если ей захочется культурного отдыха, тоже можно на этот период что-то придумать: Выборг, Псков, Новгород, можно даже Тихвин. Никогда в нем не бывал, поэтому не знаю, есть ли что там поглядеть. Наконец, по тому же Петергофскому парку походить или по Павловскому – тоже неплохо. Хотя мне больше нравится Петергоф, особенно шутихи и фонтан с драконами. Так вот я размышлял и строил планы, пока не

пришел час засыпать. И увидел я во сне сову, да еще и не один раз. Сидела, гадость эдакая, на сучке и вертела головой, а потом мерзко заушала. Вот тварь летающая!

Когда я проснулся, то вспомнил еще про дорогу на Кингисепп, где мне тоже филин спать своими воплями мешал. Ну понятно, что у меня настроение испортилось. Но что хуже всего, жена с работы вовремя не пришла. И телефон не брала. Я громко посчитал от нуля до тридцати, потом вздохнул и стал звонить куда только можно. Сначала к ней на работу. Там сказали, что ее нет, наверное, ушла уже. Ладно, сижу и жду, Наташа, наверное, куда-то в магазин забежала. Вот телефон – ну, это любимое женское дело: засунуть его в сумочку, завалив вещами, оттого до хозяйки ни звонок не донесется, ни вибросигнал. А если и донесется, то пока она отроет свой «самсунг» среди залежей косметики, уже поздно: абонент отключился, не дождавшись.

Надо еще чуток подождать, вдруг сейчас она не может позвонить. И все наливался и наливался беспокойством и раздражением. Но время шло, наступил обед, а ее все нет. Пришлось снова звонить всем поочередно – Катюха с ней говорила еще перед моим отъездом за город, три подруги с ней последний раз общались вчера перед работой.

Наконец, я решился и позвонил ее заведующему, пришлось прикинуться идиотом, который забыл, когда его жена работает. И получил я за свое прикидывание как обухом по голове: что она вчера на работу не выходила, вместо нее

какая-то Стася работала. И это не был обмен, потому как Стасю пришлось из дома выдергивать, ибо Наташа на смену не пришла. Из-за чего ею сильно недовольны, ибо когда они друг с другом меняются, начальству пофигу, лишь бы кто-то был, а когда кого-то выдергивать на срочную замену – это надо включаться, что уже ему поперек горла.

От отчаяния я прошелся по шкафам – вещи жены были на месте. Ну, разумеется, все ее вещи и обувь я в голове не держу, поэтому можно было предполагать, что большая их часть осталась дома, ведь пустых мест, ранее не бывших, я не видел. Украшения тоже лежат на своем месте. Как бы гора с плеч свалилась – она не ушла из дому. Про то, что она бы меня как-то известила, коль захотела бы бросить, я подумал, но на этой мысли не задержался. Да и прегрешений с моей стороны для такого резкого шага не было.

Но только я спихнул одну гору с плеч, как вместо нее там оказался прямо-таки горный хребет. Ведь если она не ушла к другому или вообще не к кому-то, а от кого-то, то куда она делась? Вот тут горушек было побольше, и давили они потяжелее. Для успокоения я запретил себе думать о тут же всплывших в голове похищениях ради выкупа. Было такое поветрие, но вроде как уже прошло. Похищение и увоз в горы Кавказа – я об этом себе тоже думать запретил. И так нервы ни к черту, а будешь себя накручивать, так вообще сбесишься.

Надо заняться делом. Звонки по больницам ни к чему не

привели. Не поступала она в экстренные отделения. Надо вставать и идти в полицию. Там меня приняли, сочувственно выслушали, но заявление пока не взяли. Вроде как только когда пропадает ребенок, тогда заявление берется сразу. Так что надо идти и оставлять его на третий день, тогда примут и будет с ним кто-то заниматься. С одной стороны, это все логично: взрослый человек может загулять и пропасть на пару дней, особенно мужики и особенно любители синих удовольствий. Вон как я нагрузился по случаю любовной драмы и пропал. Спасибо свечке черного цвета за долгий поход по другому времени, но ведь даже без этого я мог с перепою куда-то спрятаться и потом выбираться самостоятельно. До Питера было, кажись, километров семьдесят, вот и пер бы домой пешком, как раз три дня бы вышло. Но ведь здесь все явно совсем не так, только как это все объяснить тому же полицейскому?

Он меня не отпихивал, но все же смотрел на мои страдания отстраненно. Вообще-то он тоже прав, потому что сердца на всех не хватит, да и, опять же, за что ему хвататься? Только за мое заявление. Глядишь, через три дня появится, и то, за что хватать. Она сама появится или похитители что-то выдвинут (ну, по крайней мере, я так слышал). Мне теперь эти три дня на стенку лезть от переживаний. И самое главное, что непонятно, куда она могла деться. Вроде как уже не веселые девяностые годы на улице и не должно такого быть. Или ее никто не похищал, но тогда где она? Я еще понимаю:

пошла бы по грибы, поехала в деревню к бабушке, в экспедицию искать следы древних цивилизаций в Заполярье. Там куда-то не туда пойдешь – и заблудишься, а неудачно ступишь – то и не выберешься.

Но дома, в многомиллионном городе и при всем том, что она ничем экстремальным не занимается без страховки... Но, в общем, получилась такая вот пытка ожиданием и представлением в уме разных ужасов. Поневоле начинаешь вспоминать все газетные страшилки и прикладывать их к ситуации. Справляться со стрессом было тяжело. Поскольку пить я не хотел и успокоительные таблетки трогать тоже не стал, а читать книги пока не мог (никакого внимания), то отправился к тестю в комнату. А там он себе устроил мини-спортзал, где и поддерживал себя в форме, пока в Питере пребывал. Когда он уезжал на вахту, то форма поддерживалась сама по себе. Вот я и воспользовался боксерской грушей, на ней вымещая свою злость и растерянность. Тесть ею несколько пренебрегал, а вот теперь спортивному снаряду досталось за много лет сразу. Боксом в секции я не занимался, разве что его дворовой разновидностью. Так что груша ответила за все.

Помолотив и устав, я немного успокоился, потому смог сидеть более-менее спокойно, не бегая, как тигр по клетке. Пока я мог только поглядывать в интернет – для книг, увы, еще недостаточно успокоился. Попробовал еще позвонить: Наташин телефон вообще показывал, что она вне зоны до-

ступа. Хотя это ни о чем не говорило – есть в городе такие места, где, как мне говорили, телефоны работают по системе ниппель. Под городом – тоже. Я повспоминал, вспомнил еще двух знакомых Наташи и позвонил им. Отчего-то было неудобно рассказать все как есть, потому и пришлось плести невесть что. Но они ничего не знали.

Так и прошло время до ночи в переживаниях. Ложась спать, я думал, что вот, человек на шпильки не лазает, в подземных коммуникациях библиотеку Ивана Грозного не ищет, а вот так вот вышло. Не то по пути на работу, не то по пути за хлебом...

Ложась спать, опасался, что сейчас не смогу сомкнуть глаз, но предчувствие меня обмануло – прямо провалился в темноту и проснулся только глубокой ночью, услышав сказанное мне во сне и осознав, что это означает. При каких обстоятельствах я увидел это во сне, не запомнилось, стихотворное пророчество тоже воспринялось, как вышло, потому что там были нормальные стихи, а вот запомнил их, как уж смог, сохраняя только смысл. Стихи-то сам писать не смогу.

Звучало приблизительно так: «Вернись обратно в пройденное, описав круг, коснись и напои тех птиц, что путь проложат. Сколь нужно будет, столько и иди, хоть сквозь огонь, хоть рижскою дорогой. Не будет острая твоей могилой, ступай и мести дважды не поддайся. И, все пройдя, ты клад свой обретешь, хотя обычно столько он не стоит». Вот так это и прозвучало без сбережения рифмы.

Я сидел, глядел на огни города в окне и разгадывал загадку. Уже было понятно, что это не сонный дурман, что это именно для меня, что это разгадка произошедшего и что мне предстоит многое. И что отрадно и грело душу, в тот момент мне не было страшно. Вот почему так, не готов ответить. Легко шагнуть в яму, которую не видишь и не знаешь, что она там, просто шагаешь, как будто ее нет.

Наступало утро, а я сидел и размышлял, что мне нужно, спокойненько так, словно составлял список в супермаркет для большой закупки. Документов не беру никаких, денег не беру тоже... Итого утро было сплошь деловым. До момента подачи заявления в полицию надо было собраться в дорогу, а потом его написать и уйти за ней. А тестя пока не беспокоить, оставив только записку в доме. Ему еще довольно долго на работе быть осталось до окончания вахты.

Должен сказать, к сборам я постарался сильно не мучиться вопросом, в какое время года попаду. Раз сейчас лето – значит, тоже в лето. А если не в лето, значит, так тому и быть. Сложнее всего было с лекарствами, пришлось их рассыпать по пакетикам и каждый подписывать, как дикий житель дикого края: «от головы», «от поноса» и так далее. Оба антибиотика, что нашлись дома, я подписал «от простуды», потом подумал и убрал тот, что был в капсулах. Скорее всего, тогда их не производили. И вот пожалуйста, шесть лекарств, и этого, пожалуй, хватит. Даже по причине того, что раньше

их тоже немного было, и человек, спешно собравшийся, тоже не набирал сразу кучу препаратов. Хорошо, что я еще не старьй, ни давление не скачет, ни суставы не болят, а то бы кончились взятые с собой, и пришлось бы привыкать к старым средствам. Для дезинфекции взял спирт. Теперь осталось докупить только капли для глаз. Никогда ими не пользовался, но вдруг что-то гадкое в глаз попадет вдалеке от народа. С бинтов содрал упаковку, решив, что если даже внешне бинт чуть отличается от тамошнего, не беда, если он даже румяней и белее, чем старьй. Ибо испачкать его – секундное дело. Так, лекарства уже лежат, теперь другое.

Я прошел в тестеву комнату и с интересом поглядел на оружейный сейф. Открывать, конечно, не стал, ибо и так знаю, что там есть винтовка Маузера, ИЖ-81 и старая курковая «тулка». Она еще тестеву деду принадлежала и повинна в уничтожении, наверное, целого зоопарка. Сейчас она уже не раз чиненная, но еще ничего. Поглядел я на все это удовольствие через металл дверцы и решил не брать. Вот так смотрины и закончились. И здесь возить их по городу мне нельзя, ибо все документы на тестя, и там они могут вызвать ряд вопросов, на которые нормального ответа нет, особенно ИЖ. Поэтому с собой возьму только охотничий нож. Он самодельный и года изготовления не несет. Сделал его какой-то известный в узких кругах мастер, что Ивану Алексеичу чем-то обязан был. Ковал он его сам, а рукоятка не только в руке удобно сидит, но и с нею нож не тонет, поскольку

ку сделана из какой-то части дерева и как-то спрессована, вот потому нож удерживает на плаву. Про сталь тесть что-то тоже говорил, но что именно, я не запомнил. Кажется, из подшипника. Или клапана? Ей-ей, не удержалось в памяти.

Нож в ножнах лег рядом с лекарствами, а теперь надо выбрать из трех наличных лопаток, какую именно взять. Тут я тоже думал недолго и взял ту, которую мне назвали еще царской. И правда, такие частью были в одиннадцатой дивизии. Их получали с бывших эстонских складов, когда дивизию пополняли. И пулемет, что у нас был, именно тогда пришел, и лопатки. Некоторым выдали желтые сапоги (это уже было чисто эстонское производство), некоторым – такой гибрид царского и эстонского, как наш «максим», а кому чисто царское, как лопатка и медные котелки овальной формы. Ага, и мне надо не забыть про котелок и флягу. И немецкую флягу лучше не брать, а надо вот эту, ибо по ней никто не разберется, откуда она. Мало ли какие тут интервенты шастали, и мало ли что они могли оставить.

Вот, уже кучка вещей лежит, теперь возьму еще кое-что из инструментов. И неплохо было бы захватить какой-то современный мультитул, но... чревато. Потому и стал копаться в разной металлической мелочи, что накопилась и у меня, и у тестя.

Вот эти обломки полотна пилы пойдут, и вот эта старая отверточка с раздолбанной рукояткой. Старую пластмассовую нафиг, а деревянную надо выстрогать, и гвоздиков, и

винтов, особенно из таких, что никакого блестящего покрытия не имеют. На этом я пока сборы приостановил, потому как хорошенького понемножку. Про одежду я всех дум еще не продумал, а с едой тоже надо было про кое-что покумекать. Пока вроде бы все. Только еще позвонить Валерке по денежному вопросу.

Вечер и полночи я провел то за компом, то за книжкой. Подробно выписал все найденные даты оставления городов и, насколько получилось, запомнил их. Областные города – там с датами было полегче, а вот районные далеко на всегда находились. Приходилось искать мемуары и там отыскивать. Закончив с поисками дат, я решил подумать про продукты.

И измыслил, что питания надо взять суток на трое, а на дальнейшее только некоторые продукты вроде чая, сахара и соли. Ну, может, и бульонных кубиков, благо они существуют больше века. Гадость они, конечно, изрядная, но выбирать особо не из чего. Отварил в котелке собранные овощи и добавил кубиков – супчик готов. Добыть птицу, ее ободрать и варить будет дольше и технически сложнее. Что же касается трех первых дней, то, если принять, что я ничего съедобного там не найду, то раз в сутки поем хорошо вроде обеда и раза два по чуть-чуть, то есть чай с чем-то. Значит, мне нужно в день буханку хлеба или сухари из нее, банка тушенки, крупа или макаронные изделия для густой супокаши. Можно взять еще чего-то овощного к обеду. Лучше огурец, благо он не так давится в дороге. Можно было взять баночку с ка-

кими-то маринованными овощами, но вот светить такое не хотелось бы. Особенно современные банки и коробки. Значит, просто свежие огурцы. А для двух других приемов пищи взять кусок грудинки и мармелада с печеньем. Только без упаковок, а вместо них взять небольшие холщовые мешочки, нам их специально выдавали в батальоне для хлеба, соли и еще чего-то. Концентратов тоже можно взять, если найду такие вот брикеты каши или супа старого образца. Отец говорил, что брикеты были и полвека назад, и явно еще раньше.

С утра я подался в магазин, где вдумчиво и долго отбирал нужное. В итоге даже дольше получилось, чем мы с Наташей ходили. Когда я сам ходил, то вообще по сравнению с этим разом метеором летал. А все почему? Стоишь и размышляешь, взять ли вот такой соус или не взять. С одной стороны, макароны с соевым соусом неплохо идут, но вот был ли он в те времена? Поиск в интернете на довоенную сою выходил, но такая она была или нет, уже спросить некого. Вообще армейская еда вызывала ощущение, что к ней неплохо бы добавить какой-то приправы, но вот тут и начинаешь размышлять, можно ли такое иметь с собой. Да, я читал некоторые прејскуранты, что всяких пряников и печенья были десятки разновидностей: артель такая-то, и все. Должны быть и совсем незнакомые продукты, что появились с присоединением Прибалтики и Западной Белоруссии с Украиной. Сам помню, как бойцы удивлялись эстонским банкам консервов треугольной формы. Я их тогда не пробовал, это один па-

рень в моем расчете пустой банкой пользовался. А Проша и Иосиф ее увидели и удивились. Я-то нет, в моем времени подобные банки встречались, а им она была в диковинку.

Так что я решил быть осторожней и не оставлять никаких этикеток. Штampы на банках уже никак не исправишь, а что можно, то и удалить. Из-за этого была другая сложность: во что заворачивать. Пакеты из бумаги вечно украшали разными рекламными лозунгами. Но, если долго мучиться, что-нибудь получится. Сахар я решил взять песок, потому как нынче рафинад делается аккуратными брусочками, а тогда был чуть другой по форме и потверже. Я его у бабушки своей еще застал. Ну а сейчас и такого не встретил.

Вернувшись домой, я занялся сначала уничтожением следов этикеток и клейм, а потом – поиском одежды в поход. Затем вспомнил, что надо наделать сухарей, оттого порезал две буханки и засунул их в духовку. Третья уж пусть идет свежей. После сухарей я уже общественно полезным трудом заняться не смог. Так полусобранная одежда и осталась лежать. До этого я был собран и готов ко всему, а потом накатила душевная слабость. Надо ли идти, или лучше подождать, и стоит ли, полагаясь на сон, идти куда-то, не знаю куда, и то, се, пятое, десятое. В такой мерихлюндии я пребывал аж до вечера, и мне даже стыдно всоминать об этом, словно бы я струсил на людях. Хотя, наверное, да, струсил, только внутри себя, а не внешне. С этой душевной слабостью удалось только к вечеру справиться. Но вот прошел еще один день.

Звонили мне мало, и я молил Бога, чтобы не позвонил тесть, ибо не чувствовал себя в силах рассказать ему о случившемся. Да и что бы он сказал, услышав все. Наверное, решил, что я напился и несу ахинею. Со стороны это, наверное, было и похоже, только язык бы у меня не заплетался. Но позвонили только двое: Катю-ха и какой-то человек, которому надо было сложить сарай на даче. Увы, я ему отказал. А когда звонила сестра, то не взял трубку. Ну что я бы мог ей сказать? Пошел дорогой птиц мимо острой могилы (а что это, кстати), не скучайте, скоро вернусь, если в Риге не похоронят?! Тьфу!

Следующий день прошел как в тумане, запомнилось только два дела: написание заявления и звонок Славке с просьбой подкинуть меня до Гатчины. Славка сам был занят, но обещал найти кореша, который меня и забросит, благо у меня груза с собой было немного. Как я собрал все остальные вещи и сложил их, в голове не отложилось. Видимо, на полном автомате, без всякого участия головы в процессе. Назавтра подъехал Славкин знакомый по имени Леша на «уазике-патриоте» и повез меня. Я все время пребывал в прострации, потому парень, увидев, что я со своей волны не слезаю, ко мне и не приставал с разговорами. А я уже был душой где-то не здесь.

Место за Гатчиной я нашел быстро. Собственно, от места, где меня Славкин кореш высадил, пройти пришлось километра полтора. Было довольно жарко, но я терпел. Вот и нуж-

ное мне место. Камень и заплывшая яма возле него. Я присел рядом. «Станция Березайка, кому надо – вылезай-ка». Вытащил из кармашка мешка нож и надрезал им край ладони. И все осталось за спиной: страх, беспокойство, сомнения и иное. Надо было шагнуть, и я шагнул.

Сейчас, по прошествии времени, этому можно и удивиться. Человек добровольно, только что не с песней шагает в неизвестное, где разве что драконов нет. То, что там, за чертой, война, это одно, хотя эта война пострашней, чем они были в мое время. Хуже другое: все время ощущаешь себя инородным телом в тамошнем мироздании, оттого и все время начеку, чтобы не сболтнуть чего-то, чего здесь не было. Ни пошутить от души, потому как многие ситуации, от которых мы ржем, те люди вообще не поймут, и ни рассказать самому, ни спросить, чтобы, не дай Бог, не ляпнуть то, что выдаст с головой. Когда кино про агентов под прикрытием или про разведчиков смотришь, как они внедряются и живут под чужой личиной, это интересно, и по простоте душевной даже хочется и самому так сделать и побыть в их шкуре. Увы, того и врагу не пожелаешь – жить все время зажатым в кулак.

А проболтаешься – что тебя ждет? Кто его знает. Вот со мной поступили прямо-таки по-доброму, но и то я пару суток отсидел в чулане и часто без света. Какое в этом удовольствие? Да никакого, особенно потому что совсем не виноват. И я тогдашних вполне понимаю, что ходит тут непонятный тип, надо его проверить хоть недолго. Но ведь можно было

и похуже поступить. Отправили бы меня в Особый отдел армии или флота, и сидел бы я не два дня, а месяц, да еще и в компании милых людей вроде реальных дезертиров или паникеров, и вшей от них набрался для полного счастья. Возможны были и худшие перспективы... Сами понимаете, какие.

И все-таки я пошел, хотя и знал, что может быть там. А что мне делать было? Любишь свою жену, так и делай, что требуется, чтобы ей хорошо было. Когда можно обойтись цветочками – хорошо, но случись с ней что, так и в больнице рядом посидишь, и судно ей подавать будешь. От меня потребовалось большее. Я его и дал. И беспокоило только то, что вдруг я не смогу ее найти. А остальное... Я не собирался прятаться от него.

Глава вторая

Темнота поглотила меня и отправила в другую темноту, на берег реки, в народное столпотворение. Вокруг куча людей в штатском и военном ходила и бегала туда-сюда, переносила, сгружала, разгружала, толкалась, ругалась... Освещения практически не было, и даже луна не старалась помочь. Лишь кое-где мелькали лучи фонариков. Вот тут я понял, что собирался-собирался, а фонарика не взял, хоть у меня был и обычный, и налобный, и с динамкой. Горе мне! Сразу попал, и сразу чего-то нужного нет! После этого меня чуть не опрокинули, кто-то явно медвежьего телосложения едва не снес, но, услышав, что я заругался, извинился. Ну да, я тут стоял в потоке народу как памятник, поневоле зацепишься.

Едва я это подумал, как еще кто-то начальственным басом гаркнул мне:

– Чего стоишь, как статуй на костеле, пока все таскают?! Пошли!

Он меня в темноте, наверное, со своим перепутал, подумал я, двигаясь за обладателем начальственного баса, а тот шустро двигался куда-то, ругаясь по поводу какого-то Чечеля, что не явился, а теперь где найти ему замену.

Мы протолкались сквозь толпу народа к телеге. Бас бросил мне: «Бери ящик, тащи на баржу!» Сам подхватил такой же и, присев, взял его на плечо. Чьи-то руки помогли

мне поднять свой ящик и пристроить на плечо. Он оказался весьма увесистым, с полцентнера. Ой, ну и навалили, воспользовались тем, что я не стал сопротивляться. И я поволок его к барже.

Вот тут было получше, синяя лампочка хоть слабо, но освещала сходню и мостки в жерло трюма, потому я и не сыграл ни в реку, ни в трюм, а мирно спустил ящик и поставил его на аналогичные ящики.

– Э, не сюды, не сюды, давай вот к этому борту, – сказал кто-то из полутьмы.

Ладно, подхватил ящик, переложил. Пора за вторым. Ходить пришлось еще раза два, и ящики в телеге кончились.

Следующим номером в фильме «Черный квадрат, или Кто-то что-то грузит в темноте» была погрузка пушки на баржу. Хорошо хоть сходня была широкая, а то так бы во тьме и в реку спихнули, но как-то уместились, и колесо по ногам не проехало.

Насколько я понимал во тьме, орудие было какое-то совсем не современное, щит вообще отсутствовал, да и прицел простенький, но тут кто его знает, может, его просто временно сняли. Я ведь в артиллерии не очень, хоть в старой, хоть в новой, могу этого и не знать. Вот колеса были большие и со спицами из дерева. Пушка тянула, наверное, с тонну. Но ничего, дотасили, потом пошла следующая, дальше какие-то прицепы к ней.

Под занавес стали переводить коней на баржу, но тут уж

обошлись без меня, я с конями не дружу, потому и отошел в сторонку. Коней по одному завели в трюм, они, видно, тоже пугались, потому шли неохотно, но как-то справились с их оппортунизмом. Видно, ребята, что с ними были, свое дело знали. А пушки и прицепы к ним стояли на палубе.

Потом на баржу забежала в беспорядке куча вооруженного народа, кто-то явно в рупор прокричал что-то вроде: «Отходим!» Под ногами палуба дернулась, и мы медленно стали отходить от причала. На реке сильно сквозило. Потаскав ящики и орудия, я взмок, а тут из тепла повезли в холод. Так можно и простудиться. Потому я присел за фальшбортом к кучке народу, что сидели там и страдали от того, что нельзя курить – командир батареи запретил. Значит, это батарея была. Только народ как-то разномастно одет, насколько мне видно, и больше в штатском. Военное не на всех и даже не полностью, скажем, одни галифе. На парне, что слева, буденновка, а сосед его – в кепке. А что вон у того на голове, во тьме не разобрать. И оружие есть не у всякого: винтовку-то видно, если кто ее несет.

Через реку мы плыли с полчаса или чуть больше. Затем причалили, и все началось сначала: пушки, передки (вот как этот прицеп называется, оказывается), лошади, ящики... Рядом с нами оказалась еще баржа, на которой подвезли остальные два орудия.

Наверное, ночь только началась, потому как мы уже довольно долго трудились, а светать еще не начало. Да и ночь

явно какая-то прямо бархатная, под Питером летом такой нет. Впрочем, глаза к темноте привыкли, и я уже ни на кого не налетал.

Где я и что я, пока не спрашивают, оттого и молчу, и сам не спрашиваю. А при нужде скажу, что скомандовали – и пошел исполнять. И в общем-то, так оно и было. Ведь мог в темноту нырнуть или на барже не остаться и был бы на том берегу. Знать бы, что это за река и что за берег. Река широкая, чуть меньше, чем километр. На том берегу – тусклые огни. Город, наверное. Что же это может быть за река: Волга, Днепр, Днестр или какой-то Ингул? И что за люди вокруг? Явно ополченцы какие-то. А может, гражданские? Пожалуй, что и нет. Вон стоит часовой, и форма у него знакомая – НКВД. Прямо как у того Филиппа, что протокол вел, или того парня, что меня насквозь видел. Не она. Ладно, теперь как мне в этом месте-то укорениться и как Наташу найти? Надеюсь, дорога меня к ней приведет, как было во сне обещано.

По команде начали движение. Один сидел на лошади и ею управлял, еще двое сидели на этом передке, а прочие шли сбоку и за орудием, держась справа. На откосе впряглись в него и помогли вынести наверх. Ну да, лошадаенок четверо, а положено шесть – значит, зеленая сама пойдет, и орудие вместе с ним.

Вскоре начался город: сначала мы квартала три прошли по сонным темным улицам, лишь кое-где в окошках было видно, что хозяева не спят. Дома были небольшие, низень-

кие, с совсем маленькими окошками, крыши где какие: вот эта явно из чего-то связанная, а вот эта – жестяная. Освещение на улицах отсутствовало. Потом мы вышли на более благоустроенную улицу, мощенную булыжником. Здесь и дома бывали двух-трехэтажные, но попадались и такие же, как остались позади.

Здесь было прохладней, чем на том берегу. Ну да, ночь явно августовская, сначала даже жарко, а под утро хоть одеяло бери.

Слева послышался гудок паровоза. Народ на него отреагировал шутками, потом снова навалилось какое-то оцепенение. Все же ночь, всем спать охота, а приходится идти и пушку волочь. И где это мы? Видно, я произнес это вслух, потому как сосед сказал:

– Улица Карла Либкнехта. Скоро будет клуб имени Котлова. Был в нем?

Я ответил, что не был.

– Знаменитый клуб, его весь город строил, и заводы деньги отчисляли, и мы на стройке работали в выходные... И вышло не хуже Харькова или Киева.

К разговору подключился еще кто-то слева, сказавший, что насчет Харькова это сильно сказано, но начальство тут же наши беседы оборвало:

– Р-р-разговорчики в строю!

Замолчали. Значит, я не в Киеве и не в Харькове, но в продвинутом городе, раз мостовая есть и клуб не хуже столич-

ных. Знать бы только, где именно. Попробовал прикинуть, что если эта река – Днепр, то что тут может быть за город? Вариантов вышло больно много. Если это какой-то Южный Буг, то я вообще пас.

Ночь все длилась, и длился наш поход через нее. Прошли мимо этого клуба, но разглядел я только портал входа. Потом пересекли железную дорогу и зашагали дальше. Дорога вела вверх, поэтому регулярно подсобляли лошадям, ибо они вверх тянули с натугой. Кто-то в темноте ругал коммунхозовцев, что дали слабосильных лошадей, как специально таких кляч подыскали. Ему возразили, что коммунхоз – не конезавод или конюшня князя Кочубея, где можно выбрать по вкусу, так что какие клячи были, таких и дали... Тут нас снова призвали к порядку.

В итоге мы тащились часа четыре. Точно не скажу, потому как часы я с собой специально не брал. Не было дома старых часов, а искать у знакомых не хватило времени. Вот купил у знакомого двести рублей тогдашних денег – и тому рад. Сумма вроде как не маленькая, но кто знает, что на них купишь в войну. Может, на буханку хлеба и хватит, а может, и нет, ведь спекулянты всегда были.

Батарея неспешно и с усилием влезла на довольно крутую горку. Дальше еще продвинулись чуток вперед мощеной дорогой, и вот уже под уклон. И тут нас остановили. Два орудия стали слева от дороги, а два – справа. Дорогу я мог оценить

как узенькую по своим меркам, по ней впритык только-только разъедутся две подводы, так мне показалось. И она, в отличие от современных мне дорог, волнистая. Современная приличная дорога (жуткие образцы их брать не стоит) видимых волн обычно не имеет. А здесь ноги четко ощущали, что здесь понижение, посредине – холмик, потом пошло новое понижение. Почти как на сильно битых проселках, где два потока машин вырывают две колеи. Только здесь булыжники не продавились, а выгнулись волной.

Началось зарывание в землю. Дело шло туго, земля вроде бы и не сильно каменистая, но пробить слежавшийся верхний слой было то еще удовольствие. Хорошо, что снарядов было всего двадцать пять на орудие, оттого рыть ровик для снарядов не так тяжело. А вот надолго ли их хватит... Лучше об этом и не думать.

Упорную работу прервали стрельба и громкое «ура». Все, естественно, обернулись и попытались разглядеть в предрасветной тьме, что это там творится. Стрельба, на слух, была в основном винтовочная, пулеметы включались редко. И мне показалось, что слышно было в основном немецкие пулеметы. Звук у них больно специфический, как будто кто-то над твоим ухом мокрый брезент или такую же ткань смаху рвет. Это определение я где-то прочитал, но мне оно показалось правильным. Стрельба чуть стала слабее, но «ура» не кончилось, а постепенно отдалялось от нас. Уже малость развиднелось.

– Там от Острой могилы склон вниз спускается, наши явно идут в сторону Онуфриевки, – сказал кто-то слева.

Острая могила? Что-то очень знакомое, подумалось мне, но мысль эту закончить не удалось, так как меня сзади взяли за плечо.

– Ну-ка повернись сюда, что-то я тебя не узнаю. Так и есть, не наш. Ты откуда такой взялся?

А бас знакомый.

– Так это вы меня на пристани и выцепили. Сказали, мол, чего стоишь, бери ящик и тащи за мной, ну я и потащил. А так бы стоял и дальше.

Ну что еще сказать, все так и было. Теперь еще и про документы спросит, которых у меня нет.

– Так прямо и я?

– А кто же? Вы еще про какого-то Чечеля ругались, что он не явился, а как без него быть? Наверное, вместо этого Чечеля меня и захомотали.

– Да, и вправду, было такое. Ты, значит, из полка, а мы тебя на батарею забрали. Оставь пока лопату, идем к комбату, чтобы решил...

Комбат оказался неподалеку. Уже было довольно светло, и мои мысли про ополченцев подтверждались. Одеты были все кто во что горазд. Комбат хоть был в полной форме, да только с пустыми петлицами. А этот обладатель баса – скорее, как партийный работник того времени: френч, сапоги и галифе, только без знаков различия и прочего.

– Товарищ комбат, вот, к нам незнакомый человек прибился. Говорит, что я на пристани его ящики таскать заставил, и так он с нами поплыл. Наверное, это так, потому как на пристани темно было, хоть глаз выколи, вот я его со своим и перепутал. Наверное, он из первого или второго полка, вроде часть из них вместе с нами грузились.

– Да, товарищ старшина, не ожидал от вас такой махровой партизанщины. А еще в кадровой армии служили! Лучше бы снарядов у первого полка отняли, чем безоружного бойца. Подозреваю, что он еще и не артиллерист. Вы, товарищ боец, в артиллерии служили?

– Нет, товарищ комбат, не служил и в пушках не разбираюсь. С винтовкой знаком и с «максимом» тоже, а с пушками – только таскал с места на место.

– Ну вот, получается, что мы у первого полка пулеметчика отняли за здорово живешь, хотя у них с пулеметами так скудно, что, может, они без него и обойдутся. У Воробьева в полку вроде всего четыре «максима»... Ладно, у нас в расчетах некомплект, возьмешь себе, поставишь ящичным. Анархия так анархия. Вы, товарищ боец, из первого полка?

– Я сам точно, товарищ комбат, не знаю, гоняли то сюда, то туда, везде бумажки писали, а куда окончательно, даже и не знаю.

– Ну да, знакомое дело, я до командира дивизии дошел, пока мне двух наводчиков из пехоты не отдали... Забирайте бойца, товарищ старшина! – И металла в голосе комбата чуть

прибавилось.

– Слушаюсь, товарищ комбат! – Командир орудия откозырял и скомандовал мне: – Пошли, самовыводженец!

Я тоже продемонстрировал уроки сержанта Волынцева по строевой подготовке и двинулся за старшиной. Возле орудия он присел на землю и достал из-за пазухи тетрадь в клеенчатом переплете.

– Давай говори, кто ты.

Я и назвал. Старшина вписал меня в список расчета.

– А ты из Кременчуга или из Крюкова?

Крюков мне был совершенно незнаком, про Кременчуг я хоть кое-что слышал, поэтому и назвал его.

– Где работаешь?

О, а что же сказать?

– Да на строительстве завода, каменщиком.

– А, это авторемонтный! Ну да, хороший будет завод, как готовности достигнет. Видел, цеха новые будут, просторные, светлые, не то что у нас – при царе Паньке строенные, а точнее, при фабриканте Гурарии. А живешь где?

– У бабки комнату снимаю, а улица, кажется, Кривая называется, дом четыре.

– Нет у нас такой улицы, есть Криворудная, от речки Кривая Руда. Под горой она.

– Пожалуй, что так, – дипломатично согласился я.

– А сам-то откуда?

– Из Ленинграда.

– А сюда как попал?

– Да в контору по трудоустройству пошел и нанялся на строительство.

– А, понимаю, – сказал старшина и на мою правую руку устался.

Мне понятно, что он подумал. Я-то перед дорогой кольцо с пальца снял и дома оставил, а он вдавлину от кольца на пальце разглядел и, видно, так и подумал. Я еще и скорбную мину сделал. И вообще правильно, все же Питер есть Питер, и оттуда уезжают, только когда кто-то в другом месте ждет или там, в нем, оставаться невмоготу. Ну а поскольку мне никто здесь ничего не готовит, значит, я не сюда, а оттуда. «Но вреден север для меня».

Дальше я ответил про службу в армии, что не служил, так как что-то с глазами, оттого вдаль плохо вижу, но старался всему, что может пригодиться, учиться.

– Это я вижу: лопатку с собой свою приволок и флягу. Тут многие пришли, как будто к соседу забежать решили на пару слов, а не с десантом воевать. Ни мешка, ни сумки, ни фляжки или бутылки не брали. Словно им, как в парке отдыха, сатуратор выкатят, чтобы попить газировки могли на поле боя, и закуски тоже продадут. Десант-то десант, но это же не значит, что мы с ним воевать будем полчаса, а потом по домам разойдемся.

Старшина еще поворчал, записал все данные обо мне и повел знакомить с расчетом и моими обязанностями.

С народом я познакомился сразу же. Видимо, в расчеты отбирали людей со специальностью, потому что на шесть различных человек шесть мест работы. Типография, табачная фабрика, завод имени Сталина, штамповочный завод, элеватор. Ну и я как бы со стройки. Хоть и действительно со строительства завода, но не того и не тутошнего. Одеты тоже не по форме, а как кто смог. Возраст от молодого до предпенсионного. Как есть ополчение. А кое-кому надо было сидеть дома: больно кашель у него надсадный. Но мне его укорять не с руки – и сам ограниченно годный. Ну да ладно, что сможем, то и сделаем.

Пока мне показывали, что я должен делать, в голосе боя произошла перемена. Заработали сразу несколько пулеметов. И, к сожалению, не наши. Плотный, такой уверенный огонь, на немецкую короткую ленту каждый, а затем присоединилась немецкая артиллерия. В голосах орудий я мало разбираюсь, но ощущалось, что взрывы разные – посильнее и послабее. И те, сильные, мне знакомы по Кингисеппу, такие снаряды по доту тоже работали, и от них его серьезно содрогало, хотя и не пробивало. Наверно, это и есть шестидюймовый калибр.

Рвались они где-то впереди, до нас не долетали. Видно, по тем атаковавшим сейчас лупят. Пулеметами прижали, а теперь артиллерия поле перепыхивает вместе с ними. Как бы сейчас наша очередь не пришла. Дот – это хорошо, но у нас пока недоделанная позиция и без щита на орудии. Интерес-

но, щит пушке не положен из-за почтенного возраста или когда-то был, но потерялся?

Щит не щит, а как я сам чувствую себя перед боем? Ничего так, руки, если присмотреться, подрагивают, но лопата из них не падает, во рту пересохло и какой-то комок в животе, но до панического бегства и минирования местности фекалиями еще далеко. И опять я без оружия! Что за напасть-то со мной?!

Немецкая артиллерия продолжала бить, а мы чего-то молчим. Даже если мы немцев не ущучим, внимание их батарей на нас переключится, а атакующие ополченцы отойдут. Или окопаются. Тут как уж им скомандуют. Заодно посмотрю, как пушка наводится при стрельбе с закрытой позиции, а то читать или видео смотреть – это одно, а живую гораздо интереснее.

И дождался, и накликал: скомандовали выдвинуть орудие вперед, на прямую наводку. И соседнее орудие тоже. Эх, родимая, сама пойдет! Выволокли орудие на дорогу, потом по ней покатали вперед. Так еще ничего было, а затем меж деревьев протащили и на поле выкатили. Канава нам далась тяжело, а когда выдвинулись на небольшой холмик у дороги, так вообще чуть не полегли, и я в том числе. Орудие тяжелое, противооткатное устройство, что под лафетом, цепляется за неровности местности, трава густая и тоже тормозит, да и расчет у нас оказался не очень сильным. Так что со стонами, хрипом из груди и матом в три этажа, но вытащили.

Отсюда и вид получше: местность действительно идет под уклон и слева от нас дорога, по которой мы только что надрывались. Вид вперед на пару километров точно, правда, это уже не с моими глазами наслаждаться, но различимы несколько полос леса, что поле пересекают. И впереди – просто «котел ведьм»: густые разрывы прямо-таки стоят на поле. Эхма, что же там делается!

Но не до этого, пошли команды. Вынул из ящика длинный снаряд, передал его в руки Ивану из типографии, дальше тот, что с завода имени Сталина, накинул на голову снаряда специальный ключ и повернул. Николай со штамповочного откинул вправо затвор, снаряд пошел внутрь, и замок за ним закрыли. Наводчик наш, присев, повертел маховики и сказал, что надо чуть вправо. Тарас-правильный вцепился в правило и развернул чуток орудие. Наводчик довернул у себя и крикнул, что готов. При выстреле пушка подпрыгнула и встала на место. Здорово же ее подкидывает, я в кино таких прыжков как-то не замечал. Куда снаряд попал, некогда было думать. Мы опорожнили весь ящик, пока не прилетел ответ.

Все вокруг заполнилось дымом, как когда-то в доте, взрывная волна откинула меня назад, в густую траву, но сознание при мне осталось, только малость обалдел. Когда чуть прояснилось, вскочил и бросился к пушке. А там все было совсем сурово. Орудие лежало на боку. Правое колесо отбито, боевая ось перекорежена. Лафету тоже досталось. Навод-

чик – вся спина в рваных дырах. Уже не дышит. Старшина трясет головой, как будто ему в ухо вода попала. Иван – лицо бледное, прижал ладонь к плечу, и из-под нее темное выступает. Немцы – вроде вокруг нет.

Выдернул из кармана куртки бинт, потом ножик и побежал к Ивану. Распорол рубаху и стал бинтовать. Фонтана крови нет, значит, артерия цела, и здесь он не изойдет кровью. Тогда до госпиталя доживет. А есть ли в ополчении госпиталь? Может, и нет. Тогда в городскую больницу. Уф, закончил. Вытер руки о траву, и тут снова команда: отходим.

На мою долю достался нерасстрелянный ящик снарядов и (это уже я сам не промахнулся) карабин убитого наводчика. Раненый Иван шел сам, его только иногда поддерживали, а Леонида по очереди тащили на закорках. Потом к нам присоединился расчет другого орудия, что вместе с нами выдвигался. Там раненый только один был, но орудию тоже конец – крупный осколок повредил затвор.

Пошагали на позицию докладывать об итогах и достижениях. Немцы по нам не стреляли прицельно, хотя несколько перелетов через наши головы были. Сзади продолжался гул боя, только немецкие пулеметы, ненадолго затихшие, сейчас вновь заливались. И, пожалуй, к прежнему огню прибавилось что-то еще: эти пушки били звонче остальных, видимо, находились недалеко, раз слышен сам их выстрел, а не как снаряд сверлит небо.

Вернулись на старую позицию, и я тут же проверил, как

там оставленный вещмешок. Живой пока, и ноги ему не приделали. Я его подтащил поближе к народу, который сбился в кучу и блаженно дымил, отходя от стресса. Леонид был без сознания, Иван сидел с нами и все пытался рассмотреть раненое плечо. Курить ему не хотелось, зато жажда мучила. Поделился с ним водой. И не знает Иван, что это вода из будущего. Но выпил, и ничего, не пошла вопреки.

Старшины не было видно, видимо, он пошел к начальству докладывать, на что еще годимся. Я же пока устроил карабин так, чтобы народ его не видел, и мешком привалил, и приклад травой присыпал. Неплохо было бы глянуть, сколько там осталось в магазине. Подсумка у убитого не было, а по карманам я не шарил. Да хоть полон магазин, хоть нет, а еще бы патронов не помешало. Так, глядишь, карабин при мне останется. И как бы нас в пехоту после потери орудий не отправили, особенно таких, как я, к артиллерии не имевших отношения.

Народ курил и обменивался впечатлениями, кого как при обстреле отбросило. И вот в разговор вступил Михаил с интересным вопросом, на который и я бы ответ послушал:

– А почему мы не стреляли с закрытой позиции? Мне говорили воевавшие в империалистическую и гражданскую, что чаще всего так и стреляли, а впрямую – только когда белые или немцы больно напирали.

– Не выйдет у нас такой стрельбы: оснащения не хватает. Ни буссоли, ни панорам на орудиях.

Мне это ни о чем не сказало, кроме как о нехватке чего-то действительно необходимого, но это уже потом выясню для себя. Если считать, что это приборы, то с их помощи так и стреляют. Да, мне же рассказывали, что из «максима» тоже можно стрелять с закрытой позиции, по броду, допустим, чтоб туда не совались. И тоже нужен был прибор для этого.

А вскоре к нашей позиции вышел один из тех, кого мы поддерживали. Вид у него, конечно, был странный: до пояса голый, но в драной кепке, насаженной по самые уши. На голом же плече – винтовка, а в руках что-то вроде минометной мины, но с какими-то дополнениями. Разобрать, что это, было сложно.

– Хлопчики, сигаркою поделиться, бо усе на лану залишилося¹.

Ему дали, и он блаженно затаился.

– Дуже дякую, як душе гарно стало...²

– Что там с вами на поле случилось?

– Та що там... Скинчилися мы на том поле, як швед в якивчанских ярах. Як пийшли в наступ, так немец став видходити, поки не пидвив нас пид кулеметы. Штук шість, мабуть, и придавили як гнитом. А потим ихни гарматы загрохали. И важки, и середни, и легки. Лежишь, а тоби ихни гранаты с земли подымають, встанешь – кулеметы обратно загоняють. Як жабки в глечик попали. Якибы не ваш вогонь,

¹ – Ребята, сигаретой поделитесь, ведь все на поле осталось.

² – Большое спасибо, так на душе хорошо стало.

там бы и я загиб. Коли ви шрапнелью вдарили, кулемети их затихли, бо им тоже жити бажається. Тоди я и рванув до до-рози, а потом по балци. Гарматным снарядом мени пару раз луснуло, але кули не поцилили³.

– А с остальными там как?

– Да небагато з того поля встануть. Потим танки злива прийшли та стали теж з гармат бити. Добьют вони усих, хто залишився там...⁴

Мы замолчали. Ополченец еще раз поблагодарил за куре-во и пошел в сторону окопов. Да, там, наверное, никто жи-вой уже не остался.

Мы сидели подавленные. Я думал сначала о танках: вот они подошли, а наши пушки побитые там остались. Чем с ними теперь бороться? Но вслух поинтересовался, что у него за штука в руках была. Иван ответил, что это такая местная граната для борьбы с танками. Взяли какую-то мину, что на

³ – Да что там, закончились мы на поле, как шведы в Яковчанских ярах (в овраги близ села Яковцы были свалены погибшие в Полтавском сражении шведы. – *Прим. авт.*). Как пошли в атаку, так немцы стали отходить, пока нас под пулеметы не подвели. Штук шесть их было, и придавили, как гнетом в бочке. А потом заработали их пушки, и тяжелые, и средние, и легкие. Лежишь, а тебя их снаряды с земли поднимают, встаешь – пулеметы обратно загоняют. Попали, как лягушки в кувшин. Если бы не ваш огонь, там бы я и погиб. Когда вы ударили шрапнелью, пулеметы их затихли – им ведь тоже жить хочется. Тогда я и рванул к дороге, а потом – по балочке. Пушечным снарядом меня пару ряз тряхнуло, но пули не попали.

⁴ – Да, немногие с того поля встанут. Потом танки слева пришли и начали бить из пушек. Добьют они всех, кто еще остался.

артскладе была в запасах, и сделали из нее противотанковую гранату. А ополченец-то, оказывается, кремень, после такого адского котла еще с танками бороться соберется, а не удрал кустами и буераками домой!

Предчувствия меня не обманули: пришел комбат, поглядел на нас, горестно вздохнул и велел лишним людям отправляться в расположение третьего полка. Идти было совсем недалеко. В роте, куда нас отправили, после этой атаки осталось двадцать человек, из них четверо вернувшихся оттуда.

На поле уже все кончилось, но немцы еще не пошли в атаку. Гул танковых моторов издалека доносился, но вроде как они даже удалялись. Винтовки нам всем нашлись, можно было даже выбрать между манлихером и трехлинейкой. Увы, из списочного состава на позицию вышли приблизительно каждый третий, что числился. Те пошли на производство получить зарплату и отдать родным, тех задействовали на эвакуации, те просто куда-то делись... В итоге осталась та самая треть. Если до того винтовок хватало на две трети людей, то в итоге нашлись для всех.

Патронов выдали мне немного, с полсотни штук, а гранат не дали совсем. Худо, полсотни патронов при нужде вылетают так быстро, что и не заметишь. Я нашел уже начатую ячейку и начал ее углублять. Между ударами лопатки подумал о том, что не умылся утром. Увы, негде и некогда было. Потом подумал, что еще не ел, но мне и не хотелось. Ладно,

это успеется. Но вот как мы здесь удержимся? Оборона жидкая, артиллерии уже, считай, и нет, пулеметов всего несколько штук, да и с патронами тяжело. Ну, что будет, то будет...

Такие мысли одолевали не только меня, и цепь в итоге еще больше поредела. На этой позиции мы удержались часа полтора, а затем отошли в уже готовые окопы на горке перед самим Крюковым. И тут тоже ненадолго. Остатки ополченцев выдавили на городские улицы, а дальше сопротивление вообще разбилось, как зеркало, на осколки. Только мы с группой отходящих задержимся, как нас обойдут. И приходится снова бегать по огородам и скакать через заборы, уходя от охвата. А серьезно задержаться удалось уже совсем недалеко от Днепра. Возле моста были старые здания интендантских складов, вот там мы и закрепились, благо древние кирпичные стены хоть как-то укрывали от огня.

Нас собралось с полсотни человек: ополченцы, стрелки, ребята из железнодорожной охраны, был даже один зенитчик. Командовал нами командир крюковского ополченческого полка майор Воробьев. Чуть в стороне, возле самого моста, держалась еще группа наших. Оттуда слышалась активная работа двух «максимов», причем строчили они, как будто никаких проблем с охлаждением не было. Наверное, у моста были доты с принудительным охлаждением для пулеметов.

Так мы кое-как додержались до темноты, выдержав огонь танков и артиллерии. А в темноте надо было решать, как

быть дальше. Сзади находилась широкая река, и до противоположного берега с километр. Особо не поплаваешь в холодных водах. Рядом – мост, но ближний к нам пролет незадолго до того рухнул в реку от попадания немецкой бомбы. Его спешно восстанавливали, построив деревянный пролет почти до конца. Поезда ходить еще явно не могли, но человек, наверное, смог бы перебраться. Правда, чтобы выяснить, так это или не так, надо было еще прорваться через немцев, что находились у моста. Вроде как и недалеко, но попробуй сделай. То, что утром оборона закончится точно, это понятно и так. Патронов уже практически не было. Ну, если немцы атакуют ночью, значит, все пройдет еще быстрее.

Я привалился к древнему кирпичу стены и ждал решения командира. Ночная темнота навалилась как-то очень быстро. Ноги и все тело гудели от усталости. Предыдущую ночь я не спал, таская орудия и ящики, потом позицию готовил, да и днем все было суматошно и утомительно. Вот теперь еще как-то через реку перебираться надо, а вот как – непонятно. Плавать я умел, но переплыть Днепр – не знаю, получится ли у меня. Никогда так далеко не плавал. В голову лезли нехорошие мысли, но я не давал им хода, хотя они снова и снова возникали. Хотелось спать, но спать было нельзя. Сколько еще прошло времени, Бог весть.

Меня толкнул в плечо сержант из железнодорожников:
– Пошли, только совсем тихо!

Я подхватился и пошел за ним. Мы, пригибаясь и хоро-

нясь от света ракет, побежали к противоположному от моста краю складов. Там уже таких монументальных хранилищ, как на северной части, не было, а стояли какие-то сараи и небольшие домики, частично побитые бомбами и снарядами. Проскочили продранный проволочный забор в один кол, пробежали еще немножко по открытому месту (как я ожидал в эти секунды пулеметной очереди по себе!) и влетели в полосу приречных зарослей. Вот там нас уже ждали.

Оказывается, там, укрытые от немцев прибрежными зарослями, стояли два катера, ожидавшие темноты, чтобы немцы их не расстреляли на свету. А вот сейчас они собрались отправляться на тот берег. В левый набились в основном бойцы-железнодорожники, а нам плохо различимый в темноте человек вполголоса скомандовал:

– Дуйте к тому!

Я побежал и вскочил в него.

Что это был за катер, кто его знает. Наверное, пассажирский, возил любителей отдыха на пляже через реку на какой-то остров. Устроились мы на нем не так чтобы тесно, можно было и ноги вытянуть.

Застучал мотор, завибрировал корпус судна под моим телом. Да, на нем лучше, чем вплавь. Хотя вплавь еще возможно, если немцы рассмотрят и обстреляют. Не знаю, выдержит ли борт немецкую пулю, но лучше спрятаться совсем за него. И еще надо принять меры насчет внезапного заплыва. В одежде и обуви я никогда через речки не плавал, правда,

и слышал, что они тянут на дно. Но не раздеваться же догола! Посему я снял сапоги, связал их за ушки веревкой, а из одежды – только куртку. Карабин и мешок придется бросать, как ни жаль их. Но с ними я точно не выплыву.

Немцы нас все-таки засекли и обстреляли. Шедший первым и левее нас катер с железнодорожниками получил снаряд из танка и взорвался. Думаю, ему угодили прямо в бензобак. Вслед за этим прозвучало еще три мощных взрыва.

Видимо, пламя пожара и взрывы как-то отвлекли немцев от нас, поэтому катер отклонился вправо и ушел относительно благополучно. Пулеметная очередь прошла и по нам, было двое раненых, но до левого берега мы добрались. В итоге реку я пересек с минимальными потерями: наполовину мокрая рубашка, где-то потерянная кепка и пара ссадин от отлетевших от борта щепок, когда по нему очередь прошла.

Потом на меня нахлынул отходняк, внезапно все силы куда-то ушли, и я шел, как ежик в тумане, куда-то и за кем-то. Раз пришли, нас переадресовали, потом снова шел, затем оказался в чем-то вроде школьного здания, где можно было отдохнуть. Что я сразу же сделал, устроившись в уголке на полу. Заснул практически мгновенно и без всяких сновидений.

День обороны Крюкова закончился. Крюков остался у немцев, но я выбрался оттуда живым. Таковы были итоги. Оставалось надеяться, что 10 августа будет лучше минувшего дня.

Авторский комментарий

Саша попал в ночь на 9 августа 1941 года в город Кременчуг и его окрестности. За несколько дней до этого Первая танковая группа вермахта, замкнув кольцо окружения под Уманью, частью сил ударила на восток, к Кировограду и Кременчугу. 5 августа пал Кировоград, а 6-го передовой отряд 13-й танковой дивизии вышел на подступы к правобережной части Кременчуга, называемой Крюков. Гарнизон города был невелик, поэтому немцев встретили 3-й ополченческий полк, зенитчики, бойцы НКВД по охране железнодорожных сооружений. Встретив организованное сопротивление, передовой отряд немцев отошел, не прорвавшись на восточный берег.

Когда подошли основные немецкие силы, попытка прорыва повторилась, но за прошедшее время советское командование тоже успело подбросить некоторые силы. На правый берег перешли остальные два полка ополченческой дивизии и полк подошедшей с востока 297-й стрелковой дивизии.

Несколько слов о Кременчугской дивизии народного ополчения. Она состояла из трех полков и артиллерийской батареи, общей численностью около 3000 человек (то есть с нормальный стрелковый полк). Укомплектована была в основном теми людьми, что сейчас (или вообще) мобилизации не подлежали, вооружена тем, что нашлось на складах, об

экипировке вообще говорить сложно. Одеты были кто во что горазд, и патроны носили в карманах. С пулеметами в дивизии было тяжело, с артиллерией не лучше – всего шесть орудий. Четыре 76-миллиметровые пушки образца 1902 года в той самой батарее, одна противотанковая пушка без прицела (ее расчет отходил на восток и был включен в состав дивизии) и 152-миллиметровая гаубица. Впрочем, она числится только в документах, а фактически в боях не участвовала. Не исключено, что ее просто не смогли переправить через Днепр.

Поскольку противотанковых средств практически не имелось, то одним из работников артиллерийского склада была разработана импровизированная противотанковая граната из 82-миллиметровой мины, которые имелись на складе. Военная подготовка ополчения была невысока, скажем, в 3-м полку не имелось командиров запаса, поэтому командирами отделений, взводов и рот назначались люди по выбору руководства, а не по подготовке. Да и к боевой подготовке ополченцы приступили совсем недавно, поскольку дивизия создана в конце июля.

Командовал дивизией полковник Платухин. Что интересно, некогда он служил в Чапаевской дивизии и попал под тот самый удар в Лбищенске. Но смог переплыть Урал. Обстановка была не очень понятна, поскольку все думали, что будут сражаться с немецким десантом, вышедшим к Крюкову.

На утро 9 августа немцы планировали наступать, но око-

ло часа ночи ополченцы перешли в наступление, сбили немцев с высоты Острая могила и заставили отходить дальше. Внезапность атаки и крики «ура» заставили отступить даже немецких танкистов, опасавшихся, что атакующие подойдут поближе и забросают танки гранатами и бутылками с зажигательной смесью. Поэтому они и отступили.

Отход немцев не был бегством, пехота отходила на определенные рубежи, на которых пулеметчики пытались задержать атаку ополченцев. Танки отходили перекатами, то на 400 метров, то снова на 400... В итоге немцы отступили на 4 километра, к селу Онуфриевка. Иногда даже называется 8 километров. Далее стало светать, немцы оценили обстановку и прижали наступающих мощным пулеметным и артиллерийским огнем.

Танки вышли во фланг залегшей цепи и стали расстреливать ее. В бой вступила ополченческая 76-миллиметровая батарея. Ее огневой налет ослабил огонь немецкой пехоты и дал возможность части ополченцев уйти из огневого мешка. К сожалению, батарея имела всего сто снарядов и не могла стрелять с закрытых позиций из-за отсутствия приборов, поэтому она действовала очень короткое время.

На позициях у Острой могилы ополченцы удержались недолго, потом отошли на построенную линию обороны близ окраин, но и там не удержались. Зацепиться удалось только возле железнодорожного моста через Днепр, где имелись два бронеколпака с пулеметами для охраны его. На этой позиции

остатки защитников продержались до вечера, после чего, по мере возможности, переправились на левый берег.

Дивизия ополчения понесла тяжелые потери, потери были и в других частях. Попавшие в плен ополченцы (больше сотни человек) по приказу командира немецкой бригады были расстреляны. Так закончилась оборона Крюкова.

Глава третья

Как выяснилось, мощные взрывы в ночи означали подрыв еще нескольких пролетов моста. Теперь он был полностью непригоден для прохода. Немцы, заняв Крюков, лишились возможности прорваться дальше, на левый берег. Но с высот вокруг заречной части город был как на ладони, поэтому немецкая артиллерия громила Кременчуг.

Под ударом оказались тот самый завод имени Сталина, станция и все промышленные предприятия, что выходили на реку. Доставалось и остальным. В городе, как шепотом говорили, возникла паника, усугубленная бегством городского начальства⁵

⁵ Так и случилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.